

Иван Вырыпаев
Невыносимо долгие объятия

Пьеса

*Видишь вон ту синюю точку, сынок? Входи в нее.
(Посвящается моему сыну Гене)*

Импульс.

ЧАРЛИ. Сейчас я беру тебя за руку и веду к алтарю.

МОНИКА. Сейчас я иду с тобой к алтарю.

ЧАРЛИ. Сейчас священник совершает обряд венчания, и мы становимся мужем и женой.

МОНИКА. Сейчас Господь Бог благословляет наш брак.

ЧАРЛИ. Сейчас властью, данной Господом Богом, священник объявляет нас мужем и женой.

МОНИКА. Сейчас, после свадебного ужина, мы возвращаемся домой.

ЧАРЛИ. Сейчас я снимаю с тебя подвенечное платье и захожу в тебя.

МОНИКА. Сейчас я отдаю себя тебе и растворяюсь в удовольствии.

ЧАРЛИ. Сейчас сперматозоид соединяется с яйцеклеткой, и появляется еще один человек.

МОНИКА. Через полтора месяца после этого Моника идет в больницу, чтобы сделать аборт.

ЧАРЛИ. Чарли ничего не знает об этом, вот уже какое-то время он живет с мыслью, что скоро ему придется стать отцом.

МОНИКА. Сейчас Моника ложится в специальное кресло и раздвигает ноги.

ЧАРЛИ. Сейчас Чарли просто идет по улице, наслаждаясь солнечным осенним днем. Последним днем в ноябре.

МОНИКА. Сейчас доктор выскребает из Моника кусочки живого существа и потом выбрасывает эти кусочки в контейнер, предназначенный для подобного мусора.

ЭММИ. И вот теперь – Эмми.

ЧАРЛИ. Сейчас Чарли встречает на улице свою бывшую подругу Эмми, и они идут к ней домой, чтобы поговорить о том, как им обоим хуево «в этом ебаном пластиковом мире, где никто ничего не чувствует, и, кажется, этой планете на этот раз действительно пришел пиздец».

МОНИКА. Сейчас Моника приезжает домой и без сил падает на кровать. Она рыдает, потому что чувствует, что совершила что-то ужасное. Ей кажется, что она убила человека, потому что маленькие кусочки живой ткани, выброшенные доктором в мусорный контейнер, являлись формой жизни, которая была прекращена из-за нежелания Моника иметь ребенка именно сейчас.

Пауза.

МОНИКА. Сейчас Моника лежит на кровати и рыдает.

ЧАРЛИ. Сейчас Чарли снимает с Эмми трусики и ложится на нее сверху.

ЭММИ. Сейчас Чарли медленно входит в Эмми, и Эмми, закрыв глаза, тихо шепчет: «Моя цель оказаться в раю, Чарли».

ЧАРЛИ. «Я не Господь Бог, Эмми, я просто Чарли», – шепчет Чарли.

ЭММИ. «Привет, Чарли, – шепчет Эмми, – добро пожаловать в мой внутренний, внутренний мир». Сейчас Эмми кажется, что они с Чарли должны были быть вместе,

но эта ебаная пластиковая жизнь так устроена, что все вокруг перевернуто с ног на голову.

МОНИКА. Сейчас Моника лежит на кровати и плачет, она пытается обратиться за помощью к Господу, но именно в такие минуты своей жизни Моника как никогда ясно понимает, что Бога нет.

ЧАРЛИ. Когда Чарли возвращается домой, Моника уже спит. На кухонном столе Чарли читает записку, оставленную Моникой: «Чарли, я убила нашего малыша. Не прикасайся ко мне». Чарли идет в комнату, где спит Моника, садится на кровать, смотрит на спящую Моника и плачет. «На хуя эта жизнь? – думает Чарли. – Ошибка следует за ошибкой, а я так ничему и не научился, тогда на хуя мне весь этот урок?»

- На хуя тебе весь этот урок, Чарли?

Пауза.

ЭММИ. Сейчас Эмми лежит на кровати в полной темноте. Она чувствует, что мир вокруг нее сделан из очень дешевого материала. «В чем смысл этой некачественной жизни?» – думает Эмми, скатывая пальцами круглый шарик из высохшей спермы Чарли на своем животе. Ладно, наверное, сейчас не время отвечать на вопросы, сейчас, наверное, нужно сделать паузу и переждать.

ЧАРЛИ. «Сейчас нужно просто переждать», – думает Чарли. Он идет на кухню, достает из холодильника бутылку водки «Абсолют» и напивается до соплей. Сейчас нужно сделать паузу и просто переждать.

Пауза.

МОНИКА. Сейчас Моника спит, и ей снится странный цветной узор, как будто какое-то неизвестное сознание вошло с ней в контакт. Ей снится, что какое-то существо из другой галактики специально прилетело к ней, чтобы ее чему-то научить.

- Как тебя зовут? – спрашивает Моника.
- Ты никогда не сможешь выговорить и запомнить мое настоящее имя, поэтому считай, что с тобой говорит вселенная.
- Но ты женщина? – спрашивает Моника во сне.
- Сейчас да, – отвечает приятный женский голос.
- Ты можешь чему-нибудь научить меня? Я не знаю совсем ничего. Мне тридцать лет, и я не знаю совсем, совсем ничего. Научи меня. Я прошу тебя, научи меня хоть чему-нибудь. Хотя бы тому, как мне взять себя в руки и перестать быть куском полиэтилена?
- Я могу научить тебя быть живой, – говорит вселенная, и Моника просыпается вся в слезах.

ЧАРЛИ. Сейчас пьяное тело Чарли сползает со стула прямо под стол на кухне. Чарли полностью отключен от действительности.

МОНИКА. В два часа ночи Моника идет на кухню, там на полу, свернувшись клубком, спит Чарли, а рядом с ним валяется пустая бутылка водки. Моника садится на стул и смотрит на Чарли.

ЧАРЛИ. Сейчас Чарли спит, и ему снится пустая улица. На этой улице нет никого. Потом на этой улице появляется пес. Потом на этой улице появляется какая-то змея, и начинается самый настоящий кровавый кошмар, кошмар такой силы, что Чарли

кричит и открывает глаза. Он смотрит на Монику, не совсем понимая, где он находится и что с ним происходит.

МОНИКА. «Как дела?» – спрашивает Моника.

Пауза.

ЭММИ. Сейчас два ночи, но Эмми не спит. Она решает написать Чарли эсэмэс. Сама не понимая, почему, она пишет: «Чарли, я люблю тебя», – нажимая на функцию «отправить», и почти в то же самое время телефон Чарли, который лежит на кухонном столе, трещит и издает мелодию, сообщая, что пришло эсэмэс.

МОНИКА. Телефон Чарли лежит на столе, а Моника сидит на стуле рядом, поэтому, когда раздается сигнал, Моника автоматически берет телефон и читает эсэмэс.

ЧАРЛИ. Чарли приходит в себя, он смотрит на Монику, потом опускает голову и устало произносит: «Мне очень хуево, Моника».

МОНИКА. «Ничего, Чарли, зато Эмми тебя любит», – говорит Моника и кладет телефон Чарли на стол.

Пауза.

ЭММИ. Интересно, какие действия должен предпринять человек, чтобы почувствовать себя живым?

МОНИКА. «Для того чтобы быть живым, нужно встать и выйти из кухни», – раздается голос существа из другой галактики у Моники в голове. И Моника выходит. «Для того чтобы быть живым, нужно собраться и выйти из квартиры». И Моника выходит. «Для того чтобы быть живым, нужно пойти в парк и сесть на траву». И Моника идет в парк, но парк ночью закрыт, и тогда Моника идет на автобусную остановку неподалеку от парка, садится там на скамейку, закрывает глаза и пытается быть живой.

ЧАРЛИ. А Чарли идет в спальню, забирается в кровать, сворачивается в клубок и засыпает. Во сне он снова встречается пса, и потом его снова накрывает невероятно жесткая реальность, и потом еще полный пиздец со змеями и кусками кровавого мяса.

ЭММИ. Эмми решает предпринять какие-нибудь действия, чтобы почувствовать себя живой. Она лежит на кровати абсолютно голая и мастурбирует, представляя, как Чарли засовывает свой член в ее задний проход.

ЧАРЛИ. Сейчас Чарли спит, и ему снится окровавленная змея, ползущая по его белой подушке.

МОНИКА. Сейчас Моника сидит на автобусной остановке и учится быть по-настоящему живой. «Для того чтобы быть живой, нужно пройти через ад», – говорит нежный женский голос вселенной у Моники в голове. И вдруг начинает идти снег. «Ебаная зима», – думает Моника.

- Моника, посмотри вокруг, как красиво! – говорит вселенная. – Автобусная остановка, пять часов утра, падает снег. Первый снег этой осенью!
- Ебаная, ебаная зима, – думает Моника и встает, чтобы уйти.

ЭММИ.

- Тебе нужно будет пройти через ад, – внезапно раздается чей-то незнакомый голос у Эмми в голове, и в следующую секунду Эмми испытывает оргазм.

МОНИКА. Мне так больно после этого аборта. Все мое тело разламывается от боли. Я должна лежать в кровати, а я сижу тут на этом холоде, на этой ебаной автобусной остановке, и плюс еще идет этот ебанный снег. Кажется, я должна пройти через весь этот ад, чтобы почувствовать себя живой.

ЭММИ. «Неужели я должна буду пройти через ад?» – думает Эмми перед тем как уснуть. Красная неоновая буква «эйч» вспыхивает у нее в сознании и исчезает.

ЧАРЛИ. Чарли открывает глаза и понимает, что кровавая змея на подушке – это сон. Но белая подушка, на которой спит Чарли, тем не менее в крови – почему? И тут Чарли понимает, что у него из носа идет кровь. «Давление, – говорит Чарли сам себе, – ебаное давление со всех сторон, и снаружи, и изнутри».

МОНИКА. Сейчас Моника возвращается домой, снимает с себя ботинки и куртку, но на то, чтобы снять платье, у нее уже нет сил. Прямо в платье Моника идет в душ, садится на кафельный пол и сидит под теплыми струями воды. Ей невыносимо тяжело. И она совсем не чувствует себя живой. Сейчас она находится в аду, и ей нужно пройти через этот ад.

ЭММИ. И вот теперь Криштоф.

Пауза.

КРИШТОФ. И вот теперь Криштоф.

ЭММИ. Сейчас Криштоф покупает билет на самолет из Берлина в Нью-Йорк.

КРИШТОФ. Сейчас Криштоф на стойке регистрации на рейс, ему нужно сдать свой багаж.

ЭММИ. Сейчас Криштоф входит в салон самолета и ищет свое место.

КРИШТОФ. Сейчас Криштоф спит в своем кресле у иллюминатора, подложив под голову синий плед.

ЭММИ. Сейчас он выходит в аэропорту Дж. Ф. Кеннеди и идет на поезд до Сити.

КРИШТОФ. Сейчас Криштоф заходит в веганский ресторан в Бруклине. Он читал об этом ресторане в интернете и давно мечтал его посетить.

ЭММИ. Это один из лучших веганских ресторанов в Нью-Йорке.

КРИШТОФ. Криштоф родился и вырос в Чехии. Последние несколько лет он живет в Берлине. В свои тридцать пять он уже много где побывал, но вот в Нью-Йорке оказался впервые, и это была его давняя мечта – посетить Нью-Йорк.

ЭММИ. Это реально один из лучших веганских ресторанов в Нью-Йорке.

КРИШТОФ. Сейчас Криштоф наслаждается едой в одном из лучших веганских ресторанов Нью-Йорка. Криштоф веган. Он не ест мясо, рыбу и продукты из молока. Приезжая в новый город, Криштоф всегда ищет лучший веганский ресторан, чтобы сравнить вкус с предыдущими ресторанами. И вот похоже, что сейчас Криштоф оказался в ресторане, который намного, намного лучше всех предыдущих. Пожалуй, это самый лучший веганский ресторан из всех, в которых он побывал.

ЭММИ. Это самый лучший веганский ресторан, Криштоф, ты правильно сделал, что пришел туда.

КРИШТОФ. Сейчас Эмми входит в веганский ресторан, чтобы выпить сок из свеклы и съесть яблочный штрудель: без дрожжей, без сахара и с шариком мороженого из соевого молока.

ЭММИ. И вот она замечает Криштофа.

КРИШТОФ. Так происходит эта встреча.

ЭММИ. Они просто замечают друг друга.

КРИШТОФ. И сразу же ощущают взаимное притяжение.

ЭММИ. «Привет», – говорит Эмми так, как будто они знакомы уже давно.

КРИШТОФ. «Привет», – отвечает Криштоф, немного удивляясь такому быстрому знакомству.

ЭММИ. «Как дела?» – спрашивает Эмми и без приглашения садится за его стол.

КРИШТОФ. «Рад знакомству, я Криштоф», – улыбаясь говорит Криштоф.

ЭММИ. Меня зовут Эмми, мне кажется, я должна была прийти в этот ресторан, чтобы встретиться с тобой. Ок?

КРИШТОФ. Если я тебя правильно понял, то тебе кажется, что мы оба должны были прийти в этот ресторан, чтобы встретиться друг с другом. Ок?

ЭММИ. Кажется, что да.

КРИШТОФ. Я из Чехии, из Праги. Первый раз в Нью-Йорке. Я, конечно, слышал о том, что здесь все такие необычные, как ты, потому что это Нью-Йорк и все такое, и в общем-то я был готов к этому, но все-таки слышать – это одно, а вот так вот столкнуться с этим в реальности – это, конечно, поражает. Оказывается, здесь все реально, все так, как рассказывают в разных фильмах и на форумах. Самые лучшие веганские рестораны и самые ебанутые люди со всего мира. Добро пожаловать в Нью-Йорк-Сити, Криштоф. Мне кажется, я приехал в самое время. Поздняя осень – отличное время, чтобы первый раз оказаться в Нью-Йорке.

ЭММИ. Сейчас Криштоф и Эмми сидят в ресторане и беседуют, как старые приятели.

КРИШТОФ. «И давно ты веган, Эмми?»

ЭММИ. «Да никакой я на хрен не веган, я просто люблю есть в этом ресторане».

КРИШТОФ. «Понятно. А я вот уже три года веган. Никакой пищи животного происхождения».

ЭММИ. «И с чего это вдруг?»

КРИШТОФ. «После того как мой отец умер от рака. Он очень долго болел, и у него были самые лучшие врачи, и один из врачей все время говорил ему, что причиной рака является животный белок и вообще животный жир. Это был очень хороший врач, настоящий ученый, профессор и все такое. И вот перед смертью мой отец позвал меня и очень серьезно сказал: «Криштоф, доктор сказал мне, что я умираю, потому что я ел очень много животного белка, и вот напоследок я хочу сказать тебе, сынок... ешь все, что хочешь, потому что умирают совсем не от этого».

Криштоф заливается смехом. Эмми смотрит на Криштофа и тоже начинает смеяться. Они оба хохочут.

ЧАРЛИ. Сейчас Чарли идет в ванную, там в душевой кабинке на полу лежит Моника. Сверху на нее льется вода из душа. Чарли дотрагивается до Моника, но она не реагирует. Чарли берет Моника на руки и несет в спальню.

МОНИКА. «Почему я не чувствую никакой жизни внутри меня?» – «Потому что ты потеряла контакт, – красивым женским голосом отвечает вселенная. – Внутри тебя есть жизнь, иначе бы ты не была живой, но ты не ощущаешь контакт с этой жизнью. Ты не ощущаешь контакт с источником. Источником всего». – «А что является источником всего?» – спрашивает Моника, находясь без сознания, в то время как Чарли несет ее в спальню. – «Источником всего является импульс, – отвечает вселенная. – Смысл в том, чтобы найти контакт с источником и жить полноценной жизнью, – очень уверенно говорит женский голос, – так, как это делают деревья, растения, животные и даже камни». Почему же у людей это не получается?» – спрашивает Моника, в то время как Чарли кладет ее размякшее мокрое тело на постель. – «Потому что вселенная приготовила вас для большего», – отвечает голос. – «Для чего?» – снова спрашивает Моника. – «Для того, чтобы однажды вы смогли пройти через ад», – говорит вселенная. – «А как же Бог?» – перебивает Моника. – «Бог?» – переспрашивает женский голос. – «Ну да. Есть ли Бог?» – спрашивает Моника, в то время как Чарли расстегивает пуговицы на ее мокром платье. – «Бог –

это очень, очень просто, – говорит вселенная, – все думают, что Бог – это что-то сложное, а это, наоборот, нечто очень, очень простое. Бог – это так просто, что вам трудно в это поверить. – «Я в это не верю», – говорит Моника, в то время как Чарли снимает с нее платье.

- Тебе нужно пройти через ад, чтобы это почувствовать.
- Я и так в аду.
- Тебе нужно пройти через этот ад.

ЧАРЛИ. И сейчас Чарли переворачивает Моника на спину, чтобы вытащить из-под нее мокрое платье, которое он только что снял, и вдруг он замечает, что из Моника течет кровь. Сильное кровотечение из ее промежности.

МОНИКА. Сейчас я теряю кровь. Двадцать четыре часа назад я сделала аборт, мне нужно было отдохнуть, вместо этого я отправилась в самый настоящий ад, и вот теперь я истекаю кровью, и кажется, мне сейчас действительно придет пиздец.

ЧАРЛИ. Сейчас Чарли звонит в больницу, ему самому не справиться. Тут нужна квалифицированная медицинская помощь.

КРИШТОФ. Квартира Эмми. Сейчас Криштоф и Эмми сидят в комнате на полу, курят марихуану, слушают музыку, все ближе подплывая друг к другу на своих внутренних кораблях.

ЭММИ. Damien Rice, эту музыку я слушала так давно, когда только еще приехала в Нью-Йорк, тринадцать лет назад, и вот сейчас я вдруг решила снова послушать. О боже! Damien Rice, он совсем не устарел. Он такой чувственный, такой ебанутый, проникающий в душу. И внутренний корабль Эмми пришвартовывается к внутреннему кораблю Криштофа.

КРИШТОФ. До сегодняшнего дня я такую музыку терпеть не мог, а сейчас вот мне кажется, что в ней что-то есть. Damien Rice – это кусочек сахара, который тает у тебя на языке, приторно сладко, но когда проглатываешь, то хочется повторить еще раз. И внутренний корабль Криштофа бросает корабельные тросы, сотканые из конопли, на борт внутреннего корабля Эмми, их корабли прижимаются друг к другу. Криштоф и Эмми оказываются в постели. В той самой постели, где всего двенадцать часов назад она была с Чарли. И где восемь часов назад она мастурбировала, представляя, как член Чарли входит в ее задний проход.

ЭММИ. И теперь она сразу начинает именно с этого – берет правой рукой член Криштофа и вставляет его себе между ягодиц.

КРИШТОФ. Криштоф уже ничему не удивляется, это ведь Нью-Йорк-Сити.

Пауза.

МОНИКА. Этот женский голос внутри меня – это никакая не вселенная. Это говорит та девочка, которую двадцать четыре часа назад выскребли из меня и выбросили в контейнер для мусора. Это была бы женщина с красивым голосом и, возможно, вьющимися волосами. Эти маленькие кусочки ткани, выброшенные в мусорный контейнер, могли бы стать роскошной женщиной, ее должны были бы звать Глория, или Каролина, или Джулия. А теперь из моей промежности текут реки крови, так плачет Джулия. Это ее слезы. Это поток слез неродившейся Глории вытекает из меня кровавой рекой.

ЧАРЛИ. Сейчас Чарли рассказывает приехавшему дежурному врачу о сделанном аборте. «Я не знал, что она решится это сделать, – объясняет Чарли, – я бы этого не допустил». «Мне это не важно, – говорит доктор, – вам нужно отвезти вашу жену в

больницу. Здесь я не смогу оказать ей необходимую помощь». – «Но кровь вы остановите?» – спрашивает Чарли.

МОНИКА. «Это не кровь, это слезы твоей неродившейся дочки, Чарли, – думает Моника, и в ту же самую секунду ее мысли превращаются в цветной узор.

ЧАРЛИ. Сейчас Чарли и доктор везут Монику в больницу.

МОНИКА. Моника приехала в Нью-Йорк восемь лет назад из Польши. Она родилась во Вроцлаве, очень красивом старинном городе. Моника хочет почувствовать себя живой, но, кажется, она крепко застряла в этом липком, похожем на бесконечный сон аду.

КРИШТОФ. Сейчас Криштоф кончает одновременно с Эмми, и это возвышает его в его собственных глазах.

ЭММИ. Сейчас Эмми кончает одновременно с Криштофом, но и с Чарли она тоже кончала одновременно, просто она умеет кончать тогда, когда захочет. Но Криштоф для нее все равно лучше, чем Чарли, потому что Чарли родился и вырос в Нью-Йорке, он все знает про этот ебанный пластиковый мир, а Криштоф, как и Эмми, из другого мира, и ему все кажется волшебным и магическим приключением, а может быть, если он будет принимать правильные легкие наркотики и найдет хорошую работу, он так никогда и не узнает, что этот волшебный магический мир на самом деле просто пластиковый пакет, выброшенный Господом Богом на помойку.

Пауза.

ЧАРЛИ. Сейчас Монику увозят по узкому больничному коридору, а Чарли идет подписывать какие-то бумаги. Ему так плохо, что просто невозможно это кому-нибудь рассказать. Да и рассказывать ему особенно некому. Чарли родился и вырос в Нью-Йорке, конечно, у него есть друзья, с которыми он может выпить и поболтать, но так, чтобы он мог с кем-то обсудить свою реальную жизнь, – таких знакомых у него нет. С родителями у Чарли уже давно нет никаких настоящих отношений, а с Моникой они до сих пор все еще не установили необходимый контакт.

МОНИКА. Потому что Моника всегда находится где-то далеко-далеко.

ЧАРЛИ. Моника всегда, всегда находится где-то далеко, а Чарли просто нормальный мужик. Нормальный мужик, у которого нет никаких, абсолютно никаких духовных перспектив.

Пауза.

ЭММИ. «Послушай, Криштоф, если тебе негде жить, то ты можешь какое-то время пожить у меня. И... и если ты не хочешь каждую ночь спать со мной в одной кровати, то мы купим тебе матрас и постелем на полу».

КРИШТОФ. «Знаешь, я думаю, что я хочу каждую ночь спать с тобой в одной кровати».

ЭММИ. «Значит, я тебе понравилась?»

КРИШТОФ. «Ты мне очень понравилась. Я вообще просто ошеломлен всем происходящим. Только я приехал в Нью-Йорк – и сразу же попал в лучший веганский ресторан и там встретил лучшую девушку в моей жизни».

ЭММИ. «Я вижу, ты любишь вкусное, да?»

КРИШТОФ. «Я очень люблю вкусное».

ЭММИ. «Наверное, ты очень любишь десерт?»

КРИШТОФ. «Я очень люблю десерт».

ЭММИ. «Ладно, тогда я сделаю тебе наш фирменный нью-йоркский минет. Ты готов?»

КРИШТОФ. «Кажется, я нашел тебя, Эмми», – слегка улыбаясь, произносит Криштоф. ЭММИ. И Эмми заглывает член Криштофа так глубоко, как только это возможно. Как только это возможно.
КРИШТОФ. Так, как только это возможно!

Короткая пауза.

ЧАРЛИ. Сейчас Чарли возвращается из больницы домой. Он идет через парк. Чарли останавливается и садится на скамейку. Хорошо, что он догадался надеть куртку и шапку, потому что сейчас идет снег.

МОНИКА.

- Сейчас ты почувствуешь что-то очень необычное, не пугайся.
- Что это?
- Это импульс.
- Что? Что это?
- Это импульс.
- Господи, что это?!
- Это импульс. Не пугайся, это естественно. Так появилась вселенная. Был импульс. Раз – и движение началось.
- Господи, это как оргазм!
- Нет, это импульс.
- Но это так приятно!
- Это то, почему все движется. Это то, почему есть ты, то, почему есть жизнь, то, почему есть оргазм, то, почему ты живешь. Это импульс.
- Господи, это так странно! Это самое необычное ощущение, которое я испытывала в жизни.
- Сейчас ты почувствовала импульс. Каждое твое движение, все твои мысли, все твои действия возникают из этого импульса.
- Кажется, сейчас произошло главное событие в моей жизни.
- Импульс – это главное событие во вселенной.
- Господи, это так странно, это так необычно! Я чувствую себя такой по-настоящему живой. И все вокруг меня такое живое. Я ощущаю жизнь. Я живу.
- Это импульс.

Сейчас Моника без сознания, она в больнице. К ее рукам прикреплены провода специальных датчиков, измеряющих пульс, давление и многое другое. В ее вену входит лекарство и растекается по всему ее телу. Моника находится без сознания. Ей нужно будет вернуться обратно оттуда, где она сейчас.

ЧАРЛИ. Сейчас Чарли сидит в парке на скамейке. Идет снег. «Ебанный снег, – думает Чарли, – на хуя я совершаю все эти ошибки, если я все равно ничему не научился? Мне тридцать пять лет, а и я понятия не имею, в чем смысл моей жизни? Сейчас я сижу тут, в этом ебаном парке, смотрю на всех этих бегающих в наушниках людей и думаю, что жизнь – это просто какая-то невероятная хуйня. Идет снег. Почему?»

- Потому что осыпаются облака.
- Что?
- Снег идет, потому что осыпаются облака. Снег идет из облаков, разве ты не знаешь об этом?
- Кажется, знаю.

- Снег идет, потому что прямо сейчас над твоей головой осыпаются облака. Ты понимаешь меня?
- Нет.
- Ну а что же тут непонятного?
- Непонятно, кто это говорит.
- Это говорит вселенная.
- Я не понимаю, кто это?
- Я живое существо из очень далекой галактики, я появился внутри тебя, чтобы помочь тебе стать живым.
- Перестань, я знаю, что все это хуйня и ебаные галлюцинации, но я собираюсь выбраться из этого дерьма.
- Я здесь для того, чтобы помогать тебе.
- Хуя с два я буду продолжать разговор с каким-то чуваком внутри меня. Я не сойду с ума. Нет, нет, нет.

Пауза.

- Падает снег. Очень красиво.
- Что здесь красивого?
- Снег. Как он падает. Медленно, каждая снежинка занимает свое определенное место.
- Послушай, я смотрю сейчас на этот снег и думаю – это просто ебаный холодный снег, что в нем может быть красивого?
- Ты не знаешь, что здесь красивого?
- Я не знаю.
- Но ты мог бы узнать, если бы ты захотел.
- Узнать о чем?
- О том, что такое настоящая жизнь.
- Я знаю, что такое жизнь. Жизнь – это ебаная никому не нужная хуйня.
- Возможно, ты хотел бы узнать об этом чуть больше?
- Чуть больше?
- Ну да, чуть больше, чем то, что жизнь «это ебаная никому не нужная хуйня», ты хотел бы узнать о жизни чуть больше, чем только это?
- Кажется, я сейчас схожу с ума. Я ведь разговариваю сам с собой? Кажется, мне пора к врачу.
- Я твой врач.
- Кто ты?
- Я здесь для того, чтобы сделать тебя живым.

И тогда Чарли вскакивает и бежит. Сейчас Чарли бежит.

ЭММИ. Сейчас Криштоф кончает Эмми в рот, и она проглатывает все сперму целиком. «Кажется, я допустила ошибку, – думает Эмми, – вот с этого места в моей жизни может начаться тот самый ад, через который я должна буду пройти».

КРИШТОФ. Вечером того же дня Криштоф снова попросил Эмми об удовольствии.

Пауза.

ЧАРЛИ. Сейчас Чарли бежит. Бежит через парк. Бежит по улице. Бежит вдоль красной кирпичной стены. Бежит по каменным ступеням вверх. Бежит по каменным ступеням вниз. Бежит до самого своего дома, до самой своей квартиры на третьем

этаже. И потом он ложится на пол прямо в коридоре и там лежит, закрыв глаза, а «ебанный снег» продолжает идти прямо у него в голове.

МОНИКА. Сейчас Моника едет домой в такси. Она достает телефон и звонит Чарли. «Хэй. Я еду в такси. Встретишь меня, у меня нет денег, чтобы заплатить?»

ЧАРЛИ. Сейчас Чарли медленно поднимается на ноги, выходит из квартиры и идет к лифту.

ЭММИ. Утром, едва проснувшись, Криштоф снова попросил Эмми об удовольствии. КРИШТОФ. Вначале Эмми вставила член Криштофа между своих ягодичек, потом она сделала ему минет, потом они почистили зубы и отправились в веганский ресторан. ЭММИ. Когда-то Эмми звали Биляна, потому что она родилась в столице Югославии Белграде и была сербкой. Биляна росла в православной семье, ее отец был криминальным авторитетом, а мать домохозяйкой, естественно, они были людьми религиозными, поэтому вместе с другими православными ценностями Биляна также приняла идею и о том, что счастье нужно обязательно выстрадать, и что только страдания очищают, и смысл жизни в том, чтобы пройти через страдания этого мира и попасть в рай. Но как только у них в стране началась война и американцы стали бомбить Белград, отец Биляны вдруг решил, что нужно уезжать. Он сумел вывезти свою семью в Германию, и там ему даже удалось купить небольшую квартиру в Берлине. Так они вырвались из одного мира и перебрались в совершенно другой. Через какое-то время, когда Биляне исполнилось тринадцать лет, ее отец заболел раком и ушел из жизни буквально за несколько месяцев, а когда Биляне исполнилось восемнадцать, раком заболела ее мать и тоже довольно быстро покинула этот мир. «В Берлине люди умирают от рака», – подумала Биляна, продала квартиру родителей и уехала в Нью-Йорк. Теперь ее зовут Эмми, и эта Эмми занимается какими-то сомнительными делами, что-то перепродает, с кем-то о чем-то договаривается, кого-то в чем-то убеждает, с кем-то занимается сексом, кого-то обманывает, и в итоге на заработанные деньги снимает квартиру в Бруклине. Не получая от жизни почти никакого удовольствия, Эмми тем не менее убеждена, что она на огромной, огромной скорости летит в рай. Правда, чем ближе становится этот рай, тем чаще у Эмми возникает неприятная мысль о том, что ей нужно будет пройти через ад.

КРИШТОФ. «Ты бы не могла рассказать мне о своей цели в жизни?» – неожиданно спросил Криштоф.

ЭММИ. «Моя цель рай».

КРИШТОФ. «Что ты имеешь в виду?»

ЭММИ. «Рай – это когда тебе всегда, всегда заебись».

КРИШТОФ. «Но разве это возможно?»

ЭММИ. «После смерти, разумеется».

КРИШТОФ. «Но какие у тебя есть доказательства?»

ЭММИ. «Доказательства чего?»

КРИШТОФ. «Того, что после смерти что-то есть».

ЭММИ. «А кому они нужны?»

КРИШТОФ. «Ну а как верить во что-то без доказательств?»

ЭММИ. «Лично мне уже давно не нужны никакие доказательства».

КРИШТОФ. «Можно, я спрошу, сколько тебе лет?»

ЭММИ. «Ты уже спросил. Мне тридцать два. А тебе?»

КРИШТОФ. «Тридцать пять».

ЭММИ. «Тебе нравится, как я сосу твой член?»

КРИШТОФ. «Очень».

ЭММИ. «Вот мои доказательства».

КРИШТОФ. «В каком смысле?»

ЭММИ. «Я могу быть какой угодно. Я могу быть кем угодно. Я могу быть для тебя и для другого. Я мог быть злой, могу быть доброй. Я могу быть счастливой или нет. Я могу злиться, могу радоваться. У меня тысячи имен. Я не знаю, кто я на самом деле. У меня нет никакой позиции, никакого мировоззрения. Я никого не люблю, и я люблю всех. Я могу делать все что угодно, могу спать с кем угодно, могу сосать член у кого угодно, могу кончать, когда я захочу. Могу есть что угодно. Могу быть вегетарианцем, а могу есть свинину, мне все равно. Я могу сказать, что я православная христианка, а могу быть атеисткой или исповедовать идеи фундаментального ислама. У меня нет позиции, нет религии, нет предпочтений. У меня нет стержня. У меня нет никаких интересов. У меня нет никаких жизненных целей, кроме одной. Я просто знаю, что однажды я сознательно все это прекращу. Я закончу эту жизнь. Сама, собственной силой воли, я закончу эту жизнь, смысл которой я так и не поняла. Я сделаю это сама. И я знаю, что в этом случае мне придется пройти через ад. Я пройду через ад и попаду туда, где всегда, всегда заебись».

КРИШТОФ. «Ты покончишь с собой?»

ЭММИ. «А почему бы и нет? Это ведь моя жизнь, и я могу распоряжаться ей так, как мне захочется».

КРИШТОФ. «Ты что, действительно сможешь убить себя?»

ЭММИ. «Наверное, завтра утром».

КРИШТОФ. «Ты абсолютно ебанутая. Хотя я не думаю, что ты говоришь серьезно».

ЭММИ. «Да, скорее всего, завтра утром. Часов в пять утра, так что ты не пугайся, когда проснешься. Я буду в ванной».

КРИШТОФ. «Ты абсолютно ебанутая. Но я займусь тобой, и все будет хорошо. Ты уже поела?» Криштофу уже не терпелось снова заняться сексом, а Эмми еще даже не заказала свой любимый малиновый штрудель с шариком мороженого на соевом молоке.

ЭММИ. «Ты хочешь пойти отсюда?»

КРИШТОФ. «Да, я хочу домой».

ЭММИ. «А хочешь в музей Метрополитен? Это очень, очень хороший музей».

КРИШТОФ. «Если честно, я бы немного повалялся в кровати. А после обеда можно сходить в музей».

ЭММИ. «Наверное, ты снова хочешь минет?»

КРИШТОФ. «Если честно, то да».

ЭММИ. «Ты слишком любишь сладкое, Криштоф».

КРИШТОФ. «А ты?»

ЭММИ. «А я люблю доставлять людям удовольствие. Пойдем».

Пауза.

ЧАРЛИ. Сейчас Чарли и Моника сидят напротив друг друга за столом на кухне. Моника пьет чай и ест бутерброд с сыром. Чарли курит сигарету. «Почему ты не сказала мне, что собираешься сделать аборт?»

МОНИКА. «Тебе ведь не нужен ребенок, Чарли. Я не хотела втягивать тебя в убийство человека. Сейчас и ты невиновен, и ребенка тоже нет».

ЧАРЛИ. «Почему ты думаешь, что мне не нужен ребенок?»

МОНИКА. «Перестань, Чарли».

ЧАРЛИ. «Я никогда не говорил тебе, что не хочу ребенка».

МОНИКА. «Но ты и не говорил, что хочешь».

ЧАРЛИ. «Но ты бы могла сказать, и мы вместе бы решали, как нам быть».

МОНИКА. «Перестань, Чарли, я устала».

ЧАРЛИ. «Ты знаешь, что такое любовь, Моника?»
МОНИКА. «А ты знаешь, что такое импульс, Чарли?»
ЧАРЛИ. «Я не могу жить с тобой, извини».
МОНИКА. «Я завтра уеду, Чарли».
ЧАРЛИ. «Куда?»
МОНИКА. «В Берлин».
ЧАРЛИ. «Куда?!»
МОНИКА. «Думаю, ты не будешь возражать, если я возьму деньги моих родителей на нашем счету?»
ЧАРЛИ. «В Берлин? Какого черта?»
МОНИКА. «Ну, говорят, что Берлин – это такой же Нью-Йорк, только там намного дешевле».
ЧАРЛИ. «Ладно, если тебе нужно проветриться, валяй. Но я бы хотел официально развестись, так что не задерживайся там надолго».
МОНИКА. «Думаешь, что сможешь жениться еще раз?»
ЧАРЛИ. «Это тебя не касается».
МОНИКА. «Ты урод, Чарли».
ЧАРЛИ. «А ты сука». И Чарли встает и выходит из комнаты. Моника опускает голову на стол и плачет. Чарли идет в спальню и падает на кровать лицом вниз. Он бы хотел уйти из дому, но ему некуда идти, на улице снег, а друзей у него нет.
МОНИКА. Нет никакой, реально никакой надежды, чтобы суметь выжить. Мне не пройти через этот ад, понимает Моника, и тут она впервые в жизни испытывает реальное желание употребить наркотики. Моника встает и выходит из дома. У нее в сумке кошелек, в котором банковская карта, на счету которой пятнадцать тысяч долларов, подарок ее богатых родителей из Польши. Сейчас Моника идет по улице, и она может позволить себе довольно многое.
ЧАРЛИ. Чарли лежит на кровати лицом вниз, и вдруг он вскакивает на ноги, кажется, что у Чарли первый раз в жизни появился какой-то план...

Пауза.

ЭММИ. Вначале был минет, потом они сходили в музей Метрополитен, потом поужинали в ресторане, первый раз за два дня не в веганском. Выпили бутылку вина, вернулись домой в половине двенадцатого, разделись, уселись на полу, закурили марихуану, включили музыку. «Может, хватит уже слушать этого Дэмиана Райса?» – спросил Криштоф.
ЭММИ. «Сегодня в последний раз», – ответила Эмми и закурила джойнт.
ЧАРЛИ. Сейчас Чарли роется в шкафу, где лежат вещи Моника, он находит дубликат ее банковской карты. У Моника две карты на тот случай, если она потеряет одну, что уже неоднократно случалось. Чарли берет карту и выходит из дома. У него в телефоне записаны пин-коды всех банковских карт, которыми они с Моникой пользуются.
МОНИКА. Сейчас Моника звонит своему знакомому поляку, которого зовут Войтек. Он уже несколько лет живет в Нью-Йорке, работает барменом и знает, где можно взять, разные, в том числе и «очень серьезные запрещенные законом вещества».
КРИШТОФ. Сейчас Эмми заглатывает член Криштофа так глубоко, насколько это возможно.
ЧАРЛИ. Сейчас Чарли подходит к банкомату, вставляет карту и начинает вытаскивать деньги Моника, столько, сколько будет возможно вытащить за один раз.

МОНИКА. Сейчас Моника получает эсэмэс за эсэмэс, в которых ей сообщают, что с ее счета снимаются деньги, уже две, а сейчас уже три тысячи долларов.

ЭММИ. Сейчас Эмми глотает сперму, всю до последней капли, стараясь доставить Криштофу максимально возможное удовольствие.

ЧАРЛИ. Сейчас Чарли снимает деньги в банкомате, у него в кармане звонит телефон, это Моника, но Чарли не берет трубку, он хочет успеть снять столько денег, сколько успеет и сколько ему позволит лимит этого счета.

МОНИКА. Сейчас Моника звонит Чарли, но он не берет трубку. Тогда Моника бежит к ближайшему банкомату, вставляет карту, и банкомат выдает уведомление, что «лимит выдачи наличных превышен». Моника читает эсэмэс, которые высылают ей банк, снято пять тысяч долларов, это лимит. На счету осталось еще десять тысяч, но деньги можно будет снять только завтра. Моника понимает, что раз вторая карта у Чарли, то, скорее всего, завтра он продолжит ее грабить. Что же мне делать?

ЧАРЛИ. Сейчас Чарли едет в аэропорт. В своем айфоне, в специальной программе, он ищет ближайшие авиарейсы на Берлин.

МОНИКА. Сейчас Моника звонит в банк и блокирует свою карту. Карта заблокирована, но у Моника при себе только триста баксов, на эти деньги в Берлин не полетишь. Зато этих денег хватит на то, чтобы отправиться в другое, более интересное путешествие. И Моника договаривается о встрече со своим приятелем барменом Войтеком.

ЧАРЛИ. Сейчас Чарли в аэропорту Дж. Ф. Кеннеди, он покупает билет до Берлина. Он плохо соображает, что он делает, но Чарли знает одно, – ему нужно лететь в Берлин.

МОНИКА. Сейчас Моника откладывает шприц в сторону, ложится на пол и закрывает глаза. По ее венам течет теплое и максимально возможное удовольствие.

ЧАРЛИ. Сейчас Чарли сидит в кафе, в зоне ожидания, и пьет пиво.

ЭММИ. Сейчас Эмми закрылась в туалетной комнате и роется там в верхнем маленьком шкафчике. Эмми достает пластиковую баночку определенных таблеток, вытряхивает таблетки на свою ладонь, таблеток довольно-таки много, целая горсть. Целая горсть таблеток светло-зеленого цвета.

МОНИКА. Сейчас Моника проваливается в теплый и липкий кисель, ее руки, ноги и все ее тело стремительно теряют вес.

ЭММИ. Сейчас Эмми выходит из ванной комнаты и идет на кухню, она берет мобильный телефон, пишет эсэмэс, но не отправляет его сразу, а выставляет время, когда эсэмэс должно быть отправлено адресату. Это эсэмэс будет автоматически отправлено адресату через два часа.

МОНИКА. Господи, я прошу тебя – стоп.

КРИШТОФ. Сейчас Эмми и Криштоф лежат в постели. Криштоф вводит свой член в задний проход Эмми. Эмми закрывает глаза. «Привет», – странным голосом произносит Эмми. «Привет», – ничего не понимая, говорит Криштоф, думая, очевидно, что в Нью-Йорке принято говорить «привет», когда тебе в задницу вставляют член.

ЭММИ. «Привет», – улыбается Эмми и закрывает глаза. Возможно, навсегда закрывает глаза.

МОНИКА. «Смогу ли я выбраться обратно из этого теплого киселя?» – думает Моника, и в этот момент она окончательно теряет возможность думать. Сейчас она мягко и безвозвратно исчезает в теплом, липком, бесконечном героиновом киселе.

ЧАРЛИ. Сейчас Чарли заходит в самолет и занимает свое место у иллюминатора. Перед тем как выключить свой мобильный телефон, он читает новое сообщение, которое пришло к нему несколько секунд назад, это сообщение от Эмми, там только

- Если тебе нужна помощь, то она прямо перед тобой. Вот эта маленькая синяя точка – это единственное, что может помочь тебе в этой ситуации. Ты поняла?
- Да. А я могу обращаться к Господу Богу?!
- Вот эта синяя точка перед тобой в данной ситуации и есть Господь Бог. Ты понимаешь?
- Да.
- Сейчас ты смотришь только на эту точку и никуда больше. Ты смотришь?
- Да. Что это за точка?
- Это твой центр.
- Ты же сказала, что это Бог?
- Это одно и то же. Сейчас у тебя нет времени заниматься философией. Все, что может тебе помочь, – это только эта синяя точка перед тобой, смотри на нее не отрываясь. Это твой центр. Сейчас ты начнешь уходить в эту точку.
- Но мне страшно!
- Это не имеет никакого значения. Ты должна делать только то, что я говорю. Сейчас ты будешь уходить в эту точку. Ты готова?
- Я не знаю. Мне очень страшно. Господи, ты можешь простить меня?
- Нет никакого Господа, кроме этой синей точки перед тобой. И сейчас ты будешь медленно уходить в нее. Приготовься. Я досчитаю до пяти, и ты начнешь уходить. Я могу начинать считать?
- Господи, Господи!!!
- Я начинаю считать. Один, два, три...
- Господи, помоги мне!
- У тебя нет никакого другого выбора, кроме как делать все, что я говорю. Собери все свои силы и иди. Четыре. Пять. Иди.

Пауза.

КРИШТОФ. Сейчас Криштоф звонит в полицию и сообщает о смерти Эмми.

ЧАРЛИ. Сейчас Чарли летит в самолете из Нью-Йорка в Берлин. Чарли тридцать пять, и он первый раз в жизни пересекает границу США.

МОНИКА.

- Что это?
- Это связь.
- Связь?
- Ты связана с импульсом. Через эту связь ты ощущаешь импульс, и тогда происходит движение. Все движется только потому, что оно неразрывно связано с импульсом. Все движется потому, что все ощущает импульс.
- Но я никогда не знала об этом, а тем не менее жила.
- Нет, пока что ты еще по-настоящему не жила.
- А что же это было такое, все эти мои тридцать лет?
- Эта была подготовка к тому, чтобы, возможно, однажды начать жить.
- А разве я смогу выбраться отсюда?
- Выбраться можно отовсюду. Там, где есть вход, там обязательно есть и выход.
- А разве я сейчас не в аду?
- Возможно, ты и в аду, но ведь ты должна была пройти через этот ад.
- А разве можно выйти из ада?
- Ну если можно войти в ад, то можно и выйти. Везде, где есть вход, есть и выход.
- А разве ад – это не навсегда? В церкви нам говорили, что ад – это навсегда.

- Наверное, они просто хотели, чтобы так было.
- А разве это зависит от нашего желания?
- Конечно.
- Но ведь я не хотела оказаться в аду?
- Конечно, ты хотела.
- Но ведь я думала, что ада на самом деле не существует.
- Не желание зависит от мыслей, а мысли от желания.
- А разве не мысль порождает желание?
- Нет, абсолютно наоборот – желание порождает мысль. Ты всегда хотела пройти через ад, и вот ты проходишь через него.
- Но я не уверена, что смогу.
- Ты сможешь. Сейчас ты валяешься на полу, твоя кровь разбавлена героином, твое сознание провалилось в липкий кисель, но сама ты здесь. Ты сама в полном порядке. Ты пришла сюда, чтобы научиться быть по-настоящему живой. Ты пришла ко мне, чтобы я могла научить тебя. И теперь я твой учитель. И сейчас я буду учить тебя тому, что это означает – «быть живым». Ты готова?
- Возможно, что да. А ты кто?
- Я уже говорила тебе, что мое настоящее имя невозможно воспроизвести на твоём языке, поэтому я просто часть вселенной, такая же часть вселенной, как и ты.
- А разве ты не та самая девочка, которую из меня выскребли и выбросили в мусорный контейнер?
- Нет, я живое существо из совсем другой галактики. И кстати, тот, от кого ты избавилась, был мальчик.
- Что-что?
- Те кусочки живой ткани, от которых ты избавилась, сделав аборт, могли бы стать мальчиком. Но им было суждено совсем другое.
- А разве я не совершила смертельный грех?
- Дело в том, что смертельных грехов не существует, потому что никакой смерти нет.
- Значит, люди могут делать все, что они хотят?
- А люди и так делают все, что они хотят. Каждый делает все, что он хочет, и получает в ответ все, что он заслуживает.
- А разве за то, что я убила этого нерожденного мальчика, я не должна очень сильно страдать?
- А разве ты не страдаешь?
- Но я должна страдать еще сильнее.
- Если ты этого хочешь, то так и будет, а если ты хочешь прекратить свои страдания и ощутить свою связь с импульсом, то тогда слушай меня и делай только то, что я буду тебе говорить.
- Но мне страшно.
- Это сейчас не имеет значения. Если ты пришла сюда учиться, то тебе нужно оставить все свои сомнения и страхи. Ты должна собрать все свои силы и делать то, что я тебе говорю. Ты готова?
- Я не знаю.
- А кто же об этом знает, если не ты?
- Господи, помоги мне, я в аду!
- Делай только то, что я тебе говорю. Ты готова?
- Я попробую.

- На самом деле это не так уж и сложно. Видишь вон ту синюю точку прямо перед собой...

Пауза.

КРИШТОФ. Сейчас Криштоф сидит на кухне в квартире Эмми и дает показания полиции. Напротив него сидит женщина-полицейский, в другой комнате, там, где лежит тело Эмми, находятся еще двое полицейских и два врача «скорой помощи». «В какой момент вы поняли, что она мертва?» – спрашивает женщина-полицейский. И у Криштофа язык не поворачивается сказать, что он понял это в тот момент, когда решил вытащить свой член из задницы Эмми. «Я не знаю, – говорит Криштоф. – Мы занимались сексом. Я люблю эту женщину. Мне очень плохо. Мне нужно что-нибудь выпить. Можно, я выпью, там в шкафу есть виски?» И в эту самую минуту из соседней комнаты слышится голос доктора: «Эта женщина жива». – «Что?» – ничего не понимая, произносит Криштоф, у него сильно кружится голова. Женщина-полицейский быстро встает и выходит из кухни. Криштоф вскакивает и бросается к шкафу, переворачивая стаканы, банки с печеньем и какие-то пачки, Криштоф находит бутылку виски, дрожащими руками он открывает бутылку и пьет. Пьет. Выпивает почти половину полуторалитровой бутылки, он выпил бы и больше, но тут на кухню входит женщина-полицейский и говорит: «Твоя подруга еще жива, сейчас ее повезут в госпиталь, ты хочешь поехать с ней? И, пожалуйста, перестань напиваться, возможно, понадобится какая-то твоя помощь».

Пауза.

ЧАРЛИ. Сейчас Чарли в самолете. Он спит. Ему, как всегда, снится кровавая змея. Длиннющая окровавленная змея заползает Чарли прямо в рот.

- Что это вообще за херня? Почему?
- Потому что твой ум – это мусорное ведро, Чарли.
- Мой ум мусорное ведро?
- Да, а разве ты сам не видишь? Посмотри внимательно. Загляни в свой ум, там сплошной мусор. Куски кала, окровавленные змеи, страхи и комплексы.
- И что же мне делать?
- Нужно очистить ум, Чарли.
- А разве я могу сам взять и очистить свой ум?
- Ты должен этого сильно захотеть, Чарли, а уже потом я смогу тебе помочь.
- Ты?
- Да.
- А ты кто?
- Я уже говорил тебе, что я существо из далекой галактики, я здесь для того, чтобы помогать тебе. Мы можем договориться. Ты принимаешь решение очистить свой ум, а я оказываю тебе помощь. Ну что, Чарли, тебе это подходит?
- Мне нужно подумать.
- Думай. Но только помни, что ты все время думаешь одно и то же вот уже тридцать пять лет.
- А как ты выглядишь, можешь показать мне себя?
- Извините.
- Что?

- Извините, сэр, – и Чарли открывает глаза. Перед ним красивое лицо молоденькой стюардессы: – Вам нужно привести кресло в вертикальное положение и пристегнуться. Наш самолет снижается.

Пауза.

КРИШТОФ. Сейчас Криштоф сидит в коридоре госпиталя, куда привезли Эмми. Он очень пьян, потому что перед тем, как сесть в машину «скорой помощи», Криштоф все-таки влил в себя оставшиеся полбутылки виски. И теперь Криштоф сидит в пластиковом стуле, опустив голову вниз. Его тело слегка покачивается. Криштоф находится на границе между сном и явью. Иногда он на несколько секунд отключается, но какая-то сила снова открывает ему глаза. Напротив него в таком же пластиковом кресле сидит пожилой мужчина латиноамериканской внешности. Мужчина выглядит очень спокойным. Он как будто бы на своем месте. «Как я голоден!» – внезапно кричит Криштоф. – «Т-ч-ш-ш», – вдруг раздается шипение. Криштоф поднимает голову и смотрит на мужчину. Мужчина издает странный шипящий звук: «Т-ч-ш-ш, т-ч-ш-ш», как будто это шипит змея, и потом, этот звук превращается в легкое посвистывание, но такое же шипящее: «Щу-щу, щу-щу, щу-щу». Криштоф в недоумении смотрит на мужчину, издающего такие странные звуки. «Ты что, играешь в змею?» – спрашивает Криштоф. В ответ пожилой латиноамериканец смеется. «Ты что, сумасшедший?» – набирает обороты Криштоф. – «Я успокаиваю змею», – с улыбкой, но очень спокойно говорит мужчина. – «Ты, что змея?» – спрашивает Криштоф. – «Нет, змея – это ты», – еще более уверенно отвечает мужчина. – «Я змея? Значит, по-твоему, я змея, так? А кто тогда ты?» – «Я ловец змей». – «Ха! – восклицает Криштоф. – Так ты, значит, собираешься меня поймать?» – «Я уже тебя поймал», – слегка улыбаясь, очень, очень спокойно говорит мужчина. – «Ты меня поймал? Вот это новость для меня. Ты что, мужик? Ты сошел с ума? Ты что здесь сидишь вообще?» – «Моя жена умирает, – все так же спокойно и с легкой улыбкой отвечает мужчина». – «Вот так ни хуя себе, мужик! Твоя жена умирает, а ты сидишь здесь и играешь в игру?» – «Нет, в игру играешь ты, а я просто сижу и жду». – «Ждешь, когда твоя жена умрет?» – «Возможно, она и умрет», – очень просто говорит мужчина. – «И ты что, спокоен по этому поводу?» – «Возможно, я спокоен», – отвечает мужчина и улыбается очень, очень грустной улыбкой. – «А зачем ты шипел?» – спросил Криштоф, он вдруг почувствовал, что трезвеет. – «Чтобы успокоить змею», – говорит мужчина. – «А где ты видишь змею?» – «Змея у тебя внутри». – «Что-что?!» – «Т-ч-ш-ш-щу», – снова шипит мужчина. В это время из глубины коридора к ним подходит медбрат. Мужчина прекращает шипеть и встает. Медбрат подходит к мужчине. «Мне очень жаль, но ваша жена умерла, не приходя в сознание. Вы можете прямо сейчас пойти со мной?» – «Да, да, – очень спокойно отвечает мужчина, – а потом поворачивается к Криштофу и все так же с легкой улыбкой произносит: – Внутри тебя черная змея, или ты ее прогонишь, или она тебя съест». И мужчина идет по коридору вслед за медбратом. «Откуда ты приехал, мужик? – кричит ему вслед Криштоф, – Мексика?» – «Перу», – отвечает мужчина. – «Как мне прогнать эту черную змею?» – снова кричит Криштоф. – «Это может сделать женщина», – не оборачиваясь, отвечает мужчина и уходит вдаль по коридору.

МОНИКА.

- Что это такое?
- Это движение.

- Это движение?
- Так происходит движение. Вот его начало и вот его продолжение.
- Сейчас я в самом центре?
- Да. Сейчас ты в самом центре.
- Я и есть центр?
- Да, ты центр.
- А что я должна понять?
- Ты должна понять главный принцип.
- В чем он заключается?
- В движении.
- И что я должна понять?
- Ты должна понять, как происходит движение.
- Из центра?
- Да, из центра.
- Это движение?
- Да, это движение.
- Господи, это так красиво.
- Потому что ты прошла через свой ад.
- Но мне сейчас так одиноко, я как в детстве. В детстве я чувствовала, что меня никто, никто не любит.
- Я люблю тебя.
- Правда?
- Я не умею по-другому. Любовь – это и есть главный принцип движения.
- Мне так одиноко.
- Можно, я обниму тебя?
- Наверное, да.
- Вот.
- О Господи!

Пауза.

ЧАРЛИ. Сейчас раннее утро. Чарли выходит из здания аэропорта в Берлине и садится в такси. «У меня есть обратный билет через три дня, – думает Чарли, – у меня есть три тысячи долларов, – и Чарли на секунду закрывает глаза, в его сознании моментально вспыхивает кровавая змея. Чарли открывает глаза, – попробую хоть раз в жизни получить максимальное удовольствие, – решает Чарли. – В центр Берлина, пожалуйста, – говорит он таксисту». – «В Берлине нет центра», – отвечает таксист, и машина трогается с места.

КРИШТОФ. Сейчас раннее утро, Криштоф выходит из госпиталя, где он провел ночь. Его слегка пошатывает. Это была самая трудная ночь в его жизни, к тому же он выпил полуторалитровую бутылку виски. Доктора сказали, что Эмми, возможно, выживет, хотя отравление очень сильное, она пережила клиническую смерть и каким-то чудом снова вернулась к жизни. Сейчас Криштоф сидит на скамейке в парке. Идет снег. «Ебанный снег, – думает Криштоф. – А может быть, это просто сонной что-то не так?» Так первый раз в жизни у Криштофа возникает мысль, что с ним что-то не так. Кажется, я не вовремя приехал в Нью-Йорк? Уже холодно. Надо было приезжать летом. Все лето я проторчал в Берлине. Зарабатывал деньги. В Берлине мне было так хорошо. Но, еб твою мать, я ведь всегда мечтал о Нью-Йорке. Видимо, я приехал не в то время. Сюда нужно приезжать ранней весной, а я приехал поздней осенью. Видимо, я ошибся. А зимой лучше всего жить в Берлине. И поскольку скоро зима, то, скорее всего, мне снова нужно ехать в Берлин и торчать

там до весны. Так? Кажется, что так. А ранней весной в Нью-Йорк. Где-то в марте. По-моему, это будет правильно, а? По-моему, в этом что-то есть, а? Значит, сейчас я должен ехать в Берлин? Прямо вот из этого парка я поеду в аэропорт и улечу в Берлин. А как же Эмми, ведь я вроде бы люблю ее? Да, нет, никакая это не любовь. Просто она очень хорошо делает минет, а я очень люблю получать удовольствие.

- Ты любишь удовольствие, Криштоф?
- Да, а кто это спрашивает?
- Сейчас не важно, кто это спрашивает, сейчас важно, что ты понятия не имеешь, что такое настоящее удовольствие.
- Вот так дела! С кем это я, на хуй, разговариваю в моей голове?
- Настоящее удовольствие, Криштоф, – это когда ты полностью, полностью, до самого, самого конца удовлетворен. А с тобой такого еще не случилось никогда.
- А с кем это я тут разговариваю?
- Ты веришь в то, что в других далеких галактиках тоже есть живые разумные существа?
- Ой, блядь! Кажется, я схожу с ума. Этот город на меня хреново действует, мне срочно нужно вернуться в Берлин, – подумал Криштоф, и прямо из этого парка он поехал в аэропорт.

Пауза.

ЭММИ.

- Что это?
- Это ты.
- Это я?
- Да.
- А где Эмми?
- Вот.
- Это Эмми?!
- Той Эмми, которую ты знала до этого, больше нет.
- А что это?
- Это ты.
- Это я?!
- Да.
- А где ад?
- Ты прошла через него.
- Так быстро?
- Тридцать два года и четыре месяца.
- Мне тридцать два года и четыре месяца.
- Ты прошла через это.
- И что теперь?
- Теперь ты будешь по-настоящему жить.
- А когда это начнется?
- Это уже началось.
- И что мне делать сейчас?
- Сейчас я хочу обнять тебя. Я могу?
- Прости, а ты кто?
- Я просто вселенная, и сейчас я хочу обнять тебя. Иди ко мне. Вот так.
- Господи! Господи, мне еще никогда, никогда...

Пауза.

ЭММИ. Сейчас Эмми открывает глаза. Она лежит на медицинской кровати в палате реанимации. К ее телу прикреплены провода с датчиками, на ее лице кислородная маска. Эмми открывает глаза и чувствует боль. Эмми смотрит в потолок, там много, много маленьких дырочек, наверное, это для того, чтобы поступал воздух. Эмми смотрит в потолок, по ее щекам текут слезы. Ей больно, и она первый раз в жизни чувствует себя живой.

Пауза.

ЧАРЛИ. Сейчас Чарли едет из аэропорта в западную часть Берлина. Он сидит на заднем сиденье такси и смотрит в окно. Берлин. Чарли пытается понять, чем Берлин отличается от Нью-Йорка. Он видит, что отличие существует, но в чем оно? Первое, что приходит на ум, – это небоскребы, в Берлине таких нет. Да и люди на улице выглядят несколько иначе. Но главное отличие все же не в этом. «А в чем? В чем же отличие?» – думает Чарли. И тут он понимает, что главное отличие находится в нем самом.

МОНИКА. Раз, два, три, четыре, пять – Моника открывает глаза. Она вернулась. Моника лежит на полу в дешевом номере какого-то отеля в Гарлеме. По ее щекам текут слезы, ее тошнит, голова раскалывается от боли, но она счастлива, первый раз за много, много лет она чувствует себя счастливой. «Кажется, я жива», – шепчет Моника и плачет. «Кажется, я жива», – шепчет Моника и улыбается. «Я жива», – шепчет Моника и плачет. «Я жива», – шепчет Моника и улыбается. «Я жива», – шепчет Моника и плачет. «Я жива», – шепчет Моника и улыбается. «Я жива», – шепчет Моника, и в древнем лесу с черных могучих деревьев срывается стая черных птиц, и они летят к Луне. Черные силуэты странных птиц скользят по звездному небу, освещенные серебряным лунным светом. Первая птица достигает Луны и становится такая же серебряная, как она. Вторая птица достигает Луны и становится такая же серебряная... Последняя птица достигает Луны и становится... И вдруг Моника взрослеет. Она чувствует, что это произошло с ней именно сейчас. Ей тридцать лет, и она впервые очень ясно ощущает, что ее детство прошло. Теперь она по-настоящему взрослая женщина, сумевшая обрести уважение к самой себе. Монике тридцать, сейчас она достигает Луны и становится такая же серебряная, как она.

Пауза.

ЧАРЛИ. «Пожалуйста, остановите, возле этого рыбного ресторана». Чарли выходит из такси, ему захотелось съесть рыбу и выпить белого вина.

- Рыба попалась на крючок, да, Чарли?
- Рыба? Какая рыба?
- Рыба – это ты, Чарли.
- Сибас на пару с рисом и овощами и бутылку белого вина, – говорит Чарли подошедшему официанту.
- Какое вино вы предпочитаете? – на плохом английском переспрашивает официант.
- Принесите самого лучшего немецкого вина, – говорит Чарли и чувствует, что вот уже скоро ему должно стать очень хорошо.

КРИШТОФ. Сейчас Криштоф сидит в баре аэропорта, до вылета его самолета в Берлин еще три часа. Криштоф выпивает четвертый бокал пива, закрывает глаза и проваливается в сон.

- Ты знаком с Моникой, Криштоф?
- Нет. А кто это?
- Тебе нужно позвонить ей.
- А кто это?
- Узнаешь, когда позвонишь.
- А как я ей позвоню?
- Вот ее номер: +191 779 343 21.
- И что мне сказать?
- Скажи, что сейчас вы оба очень нужны друг другу.
- А кто это Моника?
- Это та самая женщина, которая выгонит из тебя черную змею.

МОНИКА. Сейчас Моника заходит в отделение своего банка, чтобы разблокировать свой счет и завести временную карту.

ЧАРЛИ. Сейчас Чарли обедает в рыбном ресторане где-то в западной части Берлина. Его настроение становится все лучше и лучше, кажется, что именно этого ему и не хватало – воздуха. Он задыхался в городе, где он родился. Он словно младенец, который все никак не выберется из материнского живота. Тридцать два года он жил в животе у своей матери по имени Нью-Йорк, в животе у своей матери по имени «всю неделю я работаю, для того чтобы в выходные как следует выспаться и выпить пива с друзьями». И вот, наконец, он на свободе. Он выбрался из живота, он появился на свет. Чарли ест рыбу, запивая ее отличным немецким белым вином. «Блядь, какое счастье, что я уехал из Нью-Йорка, – думает Чарли, – спасибо родителям Моника за их деньги».

МОНИКА. Сейчас Моника выходит из банка, теперь у нее новая карта, на счету которой десять тысяч долларов, и им ничто не угрожает, ну по крайней мере им не угрожает плохой парень Чарли.

ЧАРЛИ. Сейчас Чарли выходит из ресторана в центре Берлина, у него хорошее настроение и около трех тысяч долларов в кармане куртки. «Вначале хорошие наркотики и алкоголь, – принимает решение Чарли, – и, само собой, любовные приключения. Еще раз спасибо родителям Моника за их деньги».

КРИШТОФ. Сейчас Криштоф просыпается у барной стойки. Он идет в туалет. Сейчас Криштоф в туалете, он писает и смотрит на белую кафельную стену перед собой. Внезапно в его сознании всплывают цифры +191 779 343 21. «У меня плохая память, почему я помню эти цифры? – думает Криштоф. – И там еще было какое-то женское имя?»

- Моника.
- Да, Моника.

МОНИКА. Сейчас Моника едет в аэропорт, она уже купила билет до Берлина через интернет. Она и сама не знает, почему именно Берлин. В детстве она с родителями много, много раз ездила в Берлин, поскольку от ее родного города Вроцлава до Берлина на поезде всего несколько часов. Почему Берлин? Почему Нью-Йорк? Почему Вроцлав? Почему Чарли?

- Потому что это движение, Моника. Все в этой вселенной движется, и ничто не стоит на месте.
- Кажется, я что-то поняла. Движение – и поэтому Вроцлав, движение – и поэтому Нью-Йорк, движение – и поэтому Берлин, движение – и поэтому Чарли, движение – и поэтому я. Движение – и в этот самый момент у Моника зазвонил телефон.

КРИШТОФ. «Здравствуйте, это Моника?»

МОНИКА. Сейчас Моника входит в здание аэропорта и идет к стойке регистрации, она разговаривает по телефону. «Да, это Моника, здравствуйте».

КРИШТОФ. «Меня зовут Криштоф. Честно говоря, я даже не знаю, почему я вам звоню».

МОНИКА. «Вы кто?»

КРИШТОФ. «Я же говорю, меня зовут Криштоф. Я звоню вам, потому что... Господи! Я не знаю, почему я вам звоню. Может быть, мы могли бы встретиться и поговорить, правда, я сейчас улетаю из Нью-Йорка».

МОНИКА. «Почему мы должны встречаться? И, кстати, я тоже сейчас улетаю из Нью-Йорка».

КРИШТОФ. «Я не знаю, как вам это объяснить. Только не подумайте, что я сумасшедший. Но какой-то голос внутри меня сообщил мне ваш телефон. Это было во сне. Как будто со мной говорила вселенная, понимаете? О Господи! Я понимаю, что вы сейчас обо мне думаете, но я правда не сумасшедший, просто ваш номер мне приснился, и голос сказал, что я должен с вами встретиться... Я понимаю, что все это очень, очень глупо и все это сейчас просто кажется каким-то дерьмом. Простите меня, Моника. Я больше не буду вас беспокоить. До свидания».

МОНИКА. «Подождите. Вообще-то я готова встретиться».

КРИШТОФ. «Правда?»

МОНИКА. «Но проблема в том, что я сейчас улетаю из Нью-Йорка».

КРИШТОФ. «Да я и сам тоже сейчас улетаю из Нью-Йорка».

МОНИКА. «Я уже в аэропорту».

КРИШТОФ. «Я тоже в аэропорту, Моника... Хэй, подождите-ка! А в каком вы аэропорту?»

МОНИКА. «Дж. Ф. Кеннеди».

КРИШТОФ. «Куда вы летите, Моника?»

МОНИКА. «В Берлин».

КРИШТОФ. «Рейс 2819?»

МОНИКА. «Да».

КРИШТОФ. «Моника, внутри меня живет черная змея, и только вы можете выгнать ее из меня, ок?»

ЧАРЛИ. Сейчас Чарли сидит на кровати в своем гостиничном номере, он без штанов, перед ним на коленях стоит проститутка, она делает ему минет. На столике рядом с кроватью бутылки с виски и мартини и, конечно, плоская тарелка, на которой рассыпан король вечера – кокаин. Родители Моника во Вроцлаве наверняка что-то чувствуют сегодня, потому что Чарли вот уже почти сутки каждый час вспоминает их добрыми словами благодарности.

ЭММИ. Сейчас Эмми спит. Ей снится дельфин. Как будто она находится в воде, а дельфин плавает рядом с ней.

- Привет. Как тебя зовут? – спрашивает Эмми.
- У дельфинов нет имени, – отвечает дельфин.

- Как же вы обращаетесь друг к другу? – интересуется Эмми.
- Мы посылаем сигналы.
- Но если вы хотите обратиться к какому-то конкретному дельфину, чтобы именно он вас услышал, именно он?
- Ты всегда будешь услышан тем, к кому ты обращаешься, если ты точно обращаешься к тому, кто должен тебя услышать.
- Мне нужно это запомнить. Ты можешь повторить это еще раз.
- Конечно. Ты всегда будешь услышан тем, к кому ты обращаешься, если ты точно обращаешься к тому, кто должен тебя услышать.
- Я должна это запомнить.
- И еще номер телефона.
- Что?
- Еще тебе нужно запомнить вот этот номер телефона +195 697 323 28
- Зачем?
- Позвони по этому номеру, когда почувствуешь, что какому-то человеку очень нужна твоя помощь, – говорит дельфин, и Эмми просыпается.

КРИШТОФ. Сейчас Криштоф и Моника сидят рядом друг с другом в самолете. Они оба летят в Берлин. «Я всегда мечтал побывать в Нью-Йорке, но все как-то не получалось. То времени не было, то денег. А тут мне удалось немного подзаработать в Берлине, ну я и рванул».

МОНИКА. «Ну и как Нью-Йорк?» Справа от Моника в соседнем кресле сидит молодая девушка и очень внимательно прислушивается к их разговору.

КРИШТОФ. «Если честно, очень хреново. Вначале было так круто. Веганские рестораны, я веган, молодые красивые женщины, а потом внезапно я оказался в каком-то аду. Но я не буду тебе рассказывать о том, что это за ад, ок?»

МОНИКА. «Ок. А сейчас ты как?»

КРИШТОФ. «Если честно, то по-прежнему хреново».

МОНИКА. «А чего тебе не хватает?»

КРИШТОФ. «Хуй его знает, если честно. Может быть, мне просто не хватает уважения к самому себе?»

МОНИКА. «Ты, наверное, думаешь, что ты говно, да?»

КРИШТОФ. «Ну... Кажется, что да. Я так думаю. И кажется, дело не только в том, что я так думаю, но и в том, что я действительно говно».

МОНИКА. «И поэтому тебе все время хочется получать удовольствие, да?»

КРИШТОФ. «Постоянно. Мне как будто бы не хватает энергии. Я даже перестал есть мясо и стал веганом, потому что тяжелые продукты забирают энергию, а веганская еда очень легкая и дает много сил».

МОНИКА. «И каждый раз, получая удовольствие, ты понимаешь, что это не совсем то, чего бы ты хотел получить, да?»

КРИШТОФ. «Я всегда хочу чего-то большего, чего-то такого настоящего. Мне просто не хватает удовольствия, мне не хватает настоящего удовольствия, такого полного удовлетворения. Не хватает полноты. Не хватает какой-то целостности. Не хватает какой-то настоящей реальности. Все как будто во сне, все как будто в какой резиновой оболочке. Понимаешь?» И тут девушка, сидящая справа от Моника, внезапно влезает в их разговор. «Я это очень хорошо понимаю, – чуть ли не кричит девушка, – как будто мы все живем в каком-то пластиковом пакете. Как будто мы замотаны в какой-то полиэтилен».

МОНИКА. «Извините, что я влезая в ваш разговор, – говорит девушка. Криштоф и Моника оборачиваются. – Меня зовут Жанна, я из России. Я лечу в Москву с пересадкой в Берлине, потому что так дешевле».

КРИШТОФ. «Я нечаянно подслушала, о чем вы тут говорите, и это все как раз то, о чем я все время думаю, – продолжает девушка. Вот я вроде бы живу, ем, пью, трахаюсь, но где-то там в глубине себя я четко понимаю, что это все не то, что все это искусственное, что это не настоящее, что это как будто подделка, как будто это копия, как будто меня засунули в какой-то мешок, и я не могу из него выбраться, выбраться наружу, все какое-то нереальное вокруг. И поэтому все время хочется больше и больше, больше и больше. Я как будто бы нахожусь за каким-то стеклом, и мне хочется разбить это стекло и глотнуть настоящего воздуха, настоящей жизни. Вы ведь понимаете, о чем я?»

МОНИКА. «А если попробовать себе разрешить?» – Моника обращается к Криштофу.

КРИШТОФ. «Что разрешить?» – не сразу понимает Криштоф.

МОНИКА. «Все».

КРИШТОФ. «Что значит – все?»

МОНИКА. «Все – значит абсолютно все. Однажды набраться смелости и внутри себя разрешить себе абсолютно все».

КРИШТОФ. «И даже самое страшное?»

МОНИКА. «Все».

КРИШТОФ. «Все-все?»

МОНИКА. «Все, что ты по-настоящему хочешь. Но не во внешнем мире, а внутри себя».

КРИШТОФ. «Все-все?»

МОНИКА. «То, что тебе хочется. Нужно разрешить себе все, что ты хочешь и что ты в себе подавляешь. Позволить задуманному действию произойти. Просто все отпустить. Все, все, все».

КРИШТОФ. «Но ведь нужно себя контролировать! – не выдерживает девушка Жанна из России, сидящая рядом с Моникой, – мы не можем себе позволить абсолютно все, потому что Бог нам этого не позволяет».

МОНИКА. «Кто нам это сказал?»

КРИШТОФ. «Бог».

МОНИКА. «Бог нам это сказал? Когда?»

КРИШТОФ. «Когда дал нам свои заповеди: не убей, не укради и другие».

МОНИКА. «Я могу убивать, но не убиваю, я могу красть, но не краду. Вот настоящая заповедь свободного существа. И Бог никогда никому не говорил, что нужно делать. Это все придумал человек из страха перед самим собой. Бог – это импульс. Я чувствую свой контакт с импульсом и делаю только то, что нужно. Я разрешаю себе все, но я делаю то, что нужно. Вот главный принцип вселенной. Я позволяю себе все, я имею право на все. Я ощущаю импульс и я делаю то, что нужно».

КРИШТОФ. «Я не чувствую импульса. Мне мешает черная змея. Она закрыла доступ к чему-то самому главному внутри меня».

МОНИКА. «Ну так отпусти ее».

КРИШТОФ. «Разве это я ее держу?»

МОНИКА. «А кто же еще?»

КРИШТОФ. «Я ее сдерживаю?»

МОНИКА. «Мы сами все удерживаем».

КРИШТОФ. «Точно, это я! Я все держу в себе и не могу отпустить», – вдруг почти что кричит Жанна.

МОНИКА. «Давайте немного поспим, я устала», – говорит Моника и закрывает глаза. А Жанна из России, сидящая рядом с Моникой, не находит себе места. Она не может заснуть. Ее угнетает мысль, что это она виновата во всем, во всем. Жанна хватает Моника за руку и прижимает ее ладонь к своей груди. Из ладони Моника выходит тонкий синий луч, этот луч проникает в центр груди девушки, но Жанна этого не

замечает. Она сидит с закрытыми глазами и вдруг первый раз в своей жизни ощущает настоящий покой.

КРИШТОФ. «Привет, моя черная змея. Дай-ка я посмотрю на тебя». Сейчас Криштоф спит, и ему снится его черная змея. Первый раз в жизни они встретились лицом к лицу.

МОНИКА. «Я так благодарна тебе за то, что ты сделала меня живой», – обращается Моника к синей точке внутри себя. Мягкий синий свет заполняет Моника изнутри, и она засыпает в заботливых объятиях вселенной.

Пауза.

ЧАРЛИ. Сейчас Чарли вынюхивает последнюю дорожку кокаина и понимает, что грамма ему мало. Чарли расплывается с проституткой, и она уходит. «Наверное, я тоже должен пройтись», – принимает решение Чарли и начинает искать свои штаны. ЭММИ. Сейчас Эмми лежит на кровати в больнице. «Как вы себя чувствуете?» – спрашивает молодой доктор. Эмми смотрит на доктора, но ей еще тяжело фокусировать свое внимание на чем-то одном. «Кажется, мне гораздо лучше», – тихо произносит Эмми.

- Сегодня после обеда с вами хотел бы поговорить наш психолог, вы не возражаете?
- А можно, я уйду домой? – спрашивает Эмми.
- Думаю, что пока еще рано, – отвечает молодой доктор, – так значит, наш психолог зайдет к вам сегодня после обеда, хорошо, Эмми?
- Хорошо, – отвечает Эмми, закрывает глаза, а там, за закрытыми глазами, дельфин.

ЧАРЛИ. Сейчас ночь. Чарли идет по пустой улице в незнакомом ему районе Берлина. Чарли не очень хорошо понимает, как он сюда попал. В его голове одновременно звенят два неприятных колокола: колокол-кокаин и колокол-алкоголь. Чарли бредет по темной улице, шатаясь из стороны в сторону. Из-за угла дома появляется пес и бежит Чарли навстречу. «Не хватает только кровавой змеи, и тогда будет точно как в моем сне», – думает Чарли, и из-за угла дома появляются плохие ребята. «Это сон», – произносит Чарли вслух, чтобы проснуться. И в следующую минуту его начинают жестоко избивать.

ЭММИ. «+195 697 323 28», – напоминает дельфин и уплывает куда-то в глубину сознания Эмми.

ЧАРЛИ. Сейчас нос Чарли съезжает куда-то набок и превращается в красный крем, размазанный по лицу. И сейчас в его правом ухе от сильного удара ногой происходит какой-то хлопок, как будто открыли бутылку шампанского. Чарли лежит на земле, сжавшись в комок, а ребята стоят вокруг и ногами в тяжелых ботинках выбивают из Чарли его жизнь. Сознание Чарли красной кровью вытекает у него изо рта, из носа, из ушей, из головы. Неизвестно, какой у этих ребят план, вряд ли они хотят просто ограбить Чарли, хотя один из них вытаскивает из кармана Чарли его деньги, две тысячи долларов, ребятам неслыханно повезло, но вряд ли они избивают Чарли только из-за денег. Скорее всего, они просто являются частью общего вселенского замысла. Эти ребята часть вселенной, которая своими ногами выпинывает из головы Чарли остаток его мозгов. Так хочет вселенная. Пинок по ребрам – и два ребра ломаются, как хрустящие хлебные палочки, легкие Чарли наполняются внутренним кровотечением, таков замысел вселенной. Ребята, посмеиваясь, уходят,

оставляя Чарли лежать на асфальте в луже его собственной крови. Таков замысел вселенной.

- Сейчас ты должен сосредоточиться, Чарли.
- Что?
- Сейчас ты должен собраться. Ты видишь меня?
- Нет.
- Посмотри, вот я.
- Я вижу, что внутри меня плавает какой-то дельфин.
- Правильно. Сейчас я обниму тебя. Ок?
- Кто это говорит?
- Ты видишь меня?
- Я вижу, как плывет дельфин.
- Правильно. Сейчас я обниму тебя, потому что это единственный способ пройти через весь этот ад. Ты готов?
- Мне страшно. Я боюсь.
- У тебя нет другого выхода. Расслабься и позволь мне обнять тебя.
- Я не знаю. Я ничего не знаю. Я разговариваю с каким-то чертовым дельфином, я истекаю кровью, из меня вытекают последние мозги...
- А теперь я обниму тебя. Вот так, Чарли.
- Что это?!
- Это объятия.
- Это так странно. Что это?!
- Это объятия.
- Но это так странно! Это так сильно, что просто невыносимо.
- Ты просто не знаешь, что такое настоящая нежность, Чарли.
- А эти ребята, которые меня избили, зачем они это сделали?
- Потому что они ничего не знают о нежности.
- Господи, как мне хорошо! Но почему все это происходит именно со мной?
- Этого никто не знает. Таков замысел вселенной, вот и все.

КРИШТОФ. Сейчас шесть часов утра. Моника и Криштоф только что прилетели в Берлин. Криштоф читает эсэмэс в своем телефоне. Мой приятель пишет, что ключи от его квартиры у соседа, а сам он вернется только на следующей неделе. Так что мы можем пожить у него целую неделю, в хорошей квартире в отличном районе. Сейчас сядем на автобус, и через час мы на месте.

МОНИКА. «Я не очень хорошо себя чувствую, – говорит Моника, – поедem на такси, я заплачу».

КРИШТОФ. «Это будет около 50 евро».

МОНИКА. «У меня есть деньги».

КРИШТОФ. «Она не отказалась пожить со мной в одной квартире, – думает Криштоф, – наверное, мы с ней переспим. Интересно, когда? Может быть, уже сегодня? А она очень даже симпатичная девушка. Вообще жизнь как-то налаживается. Видимо, Нью-Йорк не мой город. А вот в Берлине я чувствую себя как дома».

ЧАРЛИ. Сейчас шесть часов утра. Какая-то женщина находит тело Чарли, лежащего в луже крови, и вызывает «скорую помощь». Сейчас Чарли везут в больницу. Он находится без сознания.

- Господи, ну почему я должен был пройти через весь этот ад?
- Никто этого не знает, Чарли, – отвечает дельфин, таков замысел вселенной.

ЭММИ. Сейчас в Нью-Йорке ночь, и Эмми спит. Ей снится какая-то незнакомая девушка.

- Меня зовут Жанна, – говорит девушка, – я из России. Сейчас я лечу в самолете из Берлина в Москву. Я сплю, и ты мне снишься. Как тебя зовут?
- Меня зовут Эмми.
- Сейчас ты мне снишься, Эмми.
- А разве это не ты мне снишься, Жанна?
- Я не знаю.
- Я думаю, что мы снимся друг другу, ты мне, а я тебе. Мы находимся в одном сне.
- Это так странно, что у нас один сон на двоих.
- Сейчас от тебя исходит столько нежности, Жанна, спасибо тебе за твою нежность.
- И тебе спасибо за этот сон, Эмми.
- Желая тебе хорошего полета, Жанна, – и Эмми просыпается оттого, что медсестра делает ей укол в попу.
- Все-все, я закончила, – говорит медсестра, – спи, моя дорогая, – и медсестра уходит.

КРИШТОФ. Сейчас Криштоф и Моника сидят на кухне в квартире приятеля Криштофа. Они завтракают.

МОНИКА. Сейчас Моника встает из-за стола и идет принять душ.

КРИШТОФ. Сейчас Криштоф расстилает постель, в этой квартире только одна кровать. Криштоф находит чистое постельное белье и две подушки. Но одеяло только одно.

МОНИКА. Сейчас Моника выходит из душа, замотанная в полотенце. Она идет к своей сумке, вытаскивает оттуда белую майку и трусики, надевает их на свое привлекательное голое тело, забирается в кровать под одеяло. «Я очень устала», – говорит Моника, поворачивается на бок и засыпает.

КРИШТОФ. Организм Криштофа реагирует на привлекательное тело Моника коротким импульсом. «Ок, – думает, Криштоф, – посмотрим, что будет дальше», – и Криштоф идет в душ.

Пауза.

ЭММИ. Сейчас четыре часа утра. Эмми лежит в своей кровати в больнице. Она только что проснулась, в ее сознании всплывают цифры +195 697 323 28. Эмми поражена, что помнит эти цифры так отчетливо. «Позвони, когда почувствуешь, что кому-то нужна помощь», – вспоминает Эмми, и она чувствует, что ей нужно позвонить. Эмми набирает цифры на своем телефоне, нажимает на кнопку «вызов», и вдруг на дисплее появляется имя Чарли. Это телефон Чарли, понимает Эмми. «Я никогда не знала его на память. Эти цифры в моем сознании – это телефон Чарли. С ним что-то случилось». Эмми ждет соединения с номером. «Привет. Это Чарли Хитон. Можете оставить мне свое сообщение, я постараюсь перезвонить», – говорит голос Чарли в автоответчике. Эмми физически ощущает, что с Чарли что-то не то.

ЧАРЛИ. Сейчас тело Чарли лежит на медицинской каталке в операционной. К его лицу приставлена кислородная маска, его сердце подключено к системе искусственного жизнеобеспечения. Над телом Чарли склонились несколько врачей, они пытаются понять, возможно ли вернуть этому телу жизнь? Они пытаются

понять, возможно ли вернуть этому лицу его прежний нос? Они осматривают дыру в его голове, заглядывают в эту черную космическую дыру, из которой торчат сгустки засохшей крови, там, в этой черной дыре, видна субстанция под названием «мозг Чарли». Врачи ощупывают сломанные ребра Чарли и вздыхают. «Кажется, этот парень очень, очень плох», – таков их предварительный диагноз.

ЭММИ. Сейчас Эмми идет по узкому больничному коридору. Она хочет убежать из больницы. Она чувствует, что ей нужно найти Чарли, и кажется, что так просто ее отсюда не выпустят, поэтому Эмми собирается уйти без разрешения. Сейчас Эмми спускается по лестнице, она не хочет ехать на лифте, боясь встретиться с кем-то из медперсонала. Эмми спускается пешком с шестого этажа. Сейчас Эмми оказывается в холле на нижнем этаже. Сейчас она ищет двери, ведущие на улицу. Сейчас голова Эмми кружится, она теряет равновесие и падает. Сейчас Эмми видит цветной узор. Сотни разноцветных линий переплетены между собой и образуют невероятно сложный рисунок. Этот рисунок постоянно меняется, он живет своей необъяснимой жизнью. Что-то в этом рисунке появляется, а что-то исчезает, переливающийся разными цветами узор находится в непрерывном движении. Один невероятный узор превращается в другой – еще более невероятный. И вот тут вдруг, прямо вот тут, в середине этого узора, Эмми внезапно соединяется с Чарли. Невозможно описать, как это происходит. Нет таких слов, чтобы описать это действие. Как будто миллионы живых клеток по имени «Я люблю тебя, Чарли», летят навстречу миллионам живых клеток по имени «Прости, Эмми, но я люблю свою жену Монику». И эти миллионы клеток, летящие друг другу навстречу, сталкиваются на огромной скорости и заключают друг друга в невыносимо долгие объятия. Клетка «Я люблю тебя, Чарли» держит клетку «Прости, Эмми, но я люблю свою жену Монику» в невыносимо долгих объятиях. Миллионы клеток нашли друг друга посреди бесконечной вселенной. Миллионы клеток обнимаются с миллионами других клеток. Это и есть настоящие объятия.

ЧАРЛИ. Так Эмми встречается с Чарли, а Чарли встречается с Эмми. И телефоны им для этого совсем не нужны. Они нашли друг друга совсем другим способом. Миллионы их живых клеток нашли друг друга и заключили в настоящие космические объятия.

ЭММИ.

- Вот так устроена вселенная, Эмми, – звучит знакомый голос существа из другой галактики.
- Просто охуеть! – отвечает Эмми, и миллионы ее клеток еще сильнее прижимают к себе миллионы клеток Чарли.

ЧАРЛИ.

- Вот так устроена вселенная, Чарли, – говорит дельфин.
- Охуеть! – вскрикивает Чарли.
- Оставляю тебя с Эмми, – нежно произносит дельфин и исчезает где-то у Чарли внутри.

Пауза.

МОНИКА. Сейчас Моника спит. Во сне она ощущает, как ее тело ласкают мужские руки. Моника открывает глаза.

КРИШТОФ. Сейчас она находится в объятиях Криштофа. Шторы на окнах плотно закрыты, и в комнате темно, хотя на улице сейчас день.

МОНИКА. Руки Криштофа скользят по телу Монику, забираются под ее футболку, ощупывают ее грудь, скользят вниз по животу, забираются под резинку ее трусиков и дальше. В самую ее глубину.

КРИШТОФ. Сейчас Моника вздыхает и поворачивается к Криштофу. Криштоф отчетливо видит, как в темноте блестят ее глаза.

МОНИКА. «Если ты хочешь получить настоящее удовольствие, то забудь о сексе все, что ты знал до этой самой минуты», – мягко, но с уверенностью произносит Моника.

КРИШТОФ. В следующую секунду миллионы живых клеток Моники вылетают навстречу миллионам клеток Криштофа. Моника приближается к Криштофу ближе и ближе. Живые клетки Моники проникают в Криштофа все глубже и глубже.

Криштоф ложится на Монику сверху и раздвигает ее ноги в стороны.

МОНИКА. «Твой член не может войти в меня, потому что несколько дней назад я сделала аборт, мне сейчас нельзя».

КРИШТОФ. Криштоф останавливается.

МОНИКА. «Тебе не нужно останавливать свое движение, Криштоф. Секс – это лучший способ узнавать друг о друге, проникай в меня собой, а не своим членом, и не останавливайся». И Моника совершает объятие.

КРИШТОФ. «О боже, что это?»

МОНИКА. «Обними меня точно так же, как я сейчас обнимаю тебя».

КРИШТОФ. И Криштоф еще крепче прижимает Монику к себе.

МОНИКА. «Сила рук здесь совсем ни при чем, Криштоф. Обними меня там, где я обнимаю тебя».

КРИШТОФ. «Где это?»

МОНИКА. «Вот здесь». И Моника еще крепче прижимает душу Криштофа к своей душе.

КРИШТОФ. «Как ты это делаешь? Что это?»

МОНИКА. «Это объятия. Обними меня».

КРИШТОФ. «Но я так не умею».

МОНИКА. «Ты просто никогда не пробовал. Ты все время стремился к результату, ты хотел получить оргазм. А настоящее удовольствие вот здесь, Криштоф, ты чувствуешь это?»

КРИШТОФ. «Господи, это почти невыносимо!»

МОНИКА. «Потому что это удовольствие, которое никогда не начинается и никогда не проходит. Это настоящая жизнь, Криштоф, обними меня».

КРИШТОФ. И в эту самую секунду Криштоф заплакал. «Блядь, что сейчас происходит?!»

МОНИКА. «Сейчас происходит самое главное событие во вселенной – жизнь встречается с жизнью».

КРИШТОФ. «Я живой», – шепчет Криштоф и плачет. «Я живой», – шепчет Криштоф и улыбается. «Я живой», – шепчет Криштоф и плачет. «Я живой», – шепчет Криштоф и улыбается. «Я живой», – шепчет Криштоф, и черная змея превращается в «Господи, а я и не знал, что во мне может быть столько нежности». И вот уже внутри Криштофа больше нет никакой черной змеи, а есть только: «Господи, а я и не знал, что во мне может быть столько нежности». И сейчас миллионы клеток Криштофа летят навстречу миллионам клеток Моники. И сейчас они заключают друг друга в невыносимо долгие объятия. «Господи, а я и не знал, что во мне может быть столько нежности, Моника», – шепчет Криштоф.

МОНИКА. «Я встречаю тебя, ты встречаешь меня. Моя нежность встречается с твоей, и поэтому вселенная расширяется. Это и есть главный секрет».

КРИШТОФ. «Охуеть!»

МОНИКА. И сейчас Моника испытывают оргазм, хотя Криштоф даже не входил в нее.

КРИШТОФ. «Охуеть!» Криштоф испытывает оргазм, и вселенная расширяется.

МОНИКА.

- Потому что сейчас ты очень внимательна, – раздаётся голос вселенной внутри Моники.
- Спасибо тебе за все, – шепчет Моника.
- Пожалуйста, – отвечает вселенная, и потоки голубого света текут сквозь сердце Моники.

КРИШТОФ. Сейчас струя голубого света вытекает из центра груди Моники и перетекает в сердце Криштофа. «Охуеть! – без конца повторяет он. – Моника! Моника! Охуеть!»

- Вот что такое настоящее удовольствие, Криштоф, теперь ты понял? – говорит голос вселенной внутри Криштофа.
- Удовольствие – это просто жизнь, которая никогда не может закончиться, да? – шепчет Криштоф прямо в ухо Моники.
- Да, – отвечает Моника.
- Спасибо тебе за все, – шепчет Криштоф.
- Пожалуйста, – говорит Моника, и потоки голубого света заполняют Криштофа до самого его дна.
- Охуеть! – произносит Криштоф, и вселенная расширяется.

Пауза.

ЧАРЛИ. Сейчас Чарли открывает глаза. И сейчас Чарли открывает глаза. Чарли открывает глаза. «Эмми, ты здесь?» – спрашивает Чарли. – «Как вы себя чувствуете?» – спрашивает его доктор. Чарли открывает глаза. Он находится в отделении реанимации, у его кровати сидит мужчина-доктор. «Как вы себя чувствуете, Чарли?» – повторяет свой вопрос доктор. Чарли ошупывает руками свое лицо, на лице повязки.

- Я чувствую себя живым, доктор, а вы?
- Я? – удивляется доктор.
- Да, как себя чувствуете вы?
- Ну... сегодня я неважно спал, – отвечает доктор, а потом вдруг произносит очень откровенно: – У моего близкого друга рак, и он очень страдает. Наверное, он скоро умрет.
- Мне очень жаль, – говорит Чарли. Где-то очень, очень глубоко внутри он чувствует себя живым.

ЭММИ. И сейчас Эмми открывает глаза. Она снова в своей палате. Рядом с ней медсестра. «Вам нельзя уходить из больницы без разрешения доктора, – говорит медсестра, – пожалуйста, больше не делайте этого». – «Да, – шепчет Эмми, – я не буду», – она чувствует, что у нее нет никаких физических сил. – «С вами хочет поговорить наш психолог, вы не против, если он заглянет к вам после обеда?» – вежливо спрашивает медсестра. – «Я не против», – шепчет Эмми, и в это самое время внутри нее распускается красный цветок. «Ну что ж, – думает Эмми, – у меня нет сил, но зато у меня внутри распускается цветок». «Привет», – произносит Эмми вслух. – «Что?» – переспрашивает медсестра. – «Это я не вам», – шепчет Эмми, закрывает глаза и проваливается в самый центр распутившегося цветка.

КРИШТОФ. Сейчас Криштоф идет по улице. После ночи, проведенной с Моникой, самой прекрасной ночи в его жизни, самой нежной ночи с тех времен, как мама перестала прижимать его к себе, после этой пахнувшей бесконечностью ночи, Криштоф вдруг почувствовал, что ему стало невыносимо, невыносимо тяжело. Как будто внутри него что-то стало мешать ему продолжать его жизнь. «Кажется, что-то внутри меня мешает мне продолжать мою жизнь», – подумал Криштоф и вышел из дома, чтобы немного прогуляться. Сейчас он идет по улице Врангельштрассе, приближаясь к небольшому супермаркету на перекрестке. Вдруг его мозг сталкивается с чем-то очень знакомым, и в следующую секунду Криштоф понимает, что он слышит чешскую речь. Несколько грязных и пьяных мужчин и женщин стоят перед входом в магазин и считают деньги, чтобы хватило на выпивку. Они разговаривают на чешском. «Я уже давно не слышал родной речи», – думает Криштоф. Эти чехи приехали в Берлин без какой бы то ни было цели, и в итоге они просто упали на самое дно этого города. Криштоф проходит мимо них, не останавливаясь. «Куда я иду?» – спрашивает себя Криштоф. И этот вопрос вдруг начинает увеличиваться в размерах, как будто кто-то навел на него большое увеличительное стекло. «Куда я иду?» – звучит огромный, огромный вопрос. «Стоп», – говорит Криштоф сам себе, и он останавливается. «Стоп!» – произносит Криштоф вслух. И потом кричит что есть силы: «Криштоф, стоп! Стоп! Стоп! Криштоф, стоп! Стоп! Стоп! Стоп!» – он кричит на всю улицу, кричит на чешском языке, и пьяные чехи у магазина смотрят на него, пытаются расшифровать сигналы, которые посылает им их ебанутый земляк. «Стоп! – кричит Криштоф на всю улицу, – стоп!» – и внутри него все действительно останавливается, Криштоф медленно опускается на землю, обхватывает голову руками, сжимается в комок и затихает. К нему медленно приближаются пьяные чехи.

- Если у тебя нет цели, то ты живешь, как сумасшедший, – раздается голос космического существа из другой галактики внутри Криштофа.
- Как мне узнать цель? – спрашивает Криштоф внутри себя, а внешне он продолжает лежать на земле, обхватив голову руками.
- А что бы ты хотел больше всего на свете? – спрашивает пришелец.
- Я хочу покоя, – отвечает Криштоф.
- Ну вот и цель, – говорит пришелец, и внутри Криштофа появляется маленькая синяя точка.

МОНИКА. Сейчас Моника сидит на скамейке в парке. Впервые за много лет, а может, и вообще впервые в жизни она ощущает покой. Моника достает телефон и звонит. Она звонит Чарли.

ЧАРЛИ. Сейчас Чарли лежит на своей кровати в больнице, его голова забинтована, его тело ломит от боли, Чарли держит в своей руке телефон. Сигнал выключен, но лампочка в телефоне мигает яркими серебряными вспышками. Чарли не решается ответить, потому что видит, что это звонит Моника.

- Возьми трубку, Чарли, вам нужно поговорить, – слышит он голос внутри себя.
- Да? – переспрашивает Чарли у того, кто ему это сказал.
- Да, – отвечает ему тот, кто это говорит.

И большой палец правой руки Чарли нажимает на зеленую трубку, обведенную кружком.

«Чарли!» – слышит он знакомый голос Моники. И в эту же самую секунду Чарли очень отчетливо понимает, что на самом деле он женился на Моники по любви.

МОНИКА. «Хэй, Чарли».

ЧАРЛИ. «Привет, Моника».

МОНИКА. «Ты как?»

ЧАРЛИ. «Я почти в порядке. А ты?»

МОНИКА. «Я в полном порядке, Чарли. Я люблю тебя».

ЧАРЛИ. «А я люблю тебя», – говорит Чарли, и они с Моникой заключают друг друга в долгие невыносимые объятия бесконечности.

Пауза.

КРИШТОФ. Сейчас Криштоф очень пьян. Он пьет водку вместе с чехами, прямо на углу перед супермаркетом на пересечении улиц Врангельштрассе и Фалкенштейнштрассе (Wrangelstraße и Falckensteinstraße). Криштоф и его земляки с радостью разговаривают на одном языке. Сейчас Криштоф пьет водку и отпускает от себя все-все-все. Сейчас его земляки думают, что когда этот чувак отпустит все-все-все, то они, конечно, заберут у него его куртку, ботинки, брюки и кошелек с телефоном.

ЭММИ. Сейчас Эмми чувствует, что силы покидают ее. Она находится внутри великолепного красного цветка и, кажется, что только поэтому ее организм еще живет. «Добрый день, Эмми, меня зовут Эрик Байрон, я психолог, мы можем поговорить? – раздается незнакомый голос из внешнего мира, а во внутреннем мире Эмми находится в центре красного цветка. – Эмми, вы меня слышите?» – зовет ее внешний мир.

- Эмми, кажется, ты уже не сможешь вернуться, – говорит красный цветок.
- Кажется, что у моего тела больше нет сил, чтобы жить, да?
- Кажется, что это так, Эмми.
- Да, кажется, что так. Куда же мне идти? – с детской легкостью спрашивает Эмми.
- Ты можешь уйти вместе со мной навсегда, а можешь снова родиться здесь, на этой земле, и прожить очередную странную жизнь. Решать тебе.
- Значит, я могу перенестись с тобой в другую вселенную?
- Вселенная всего одна, – нежно отвечает голос, – но то, к чему ты стремилась с самого раннего детства, теперь находится прямо перед тобой.
- Но я всегда стремилась попасть в рай.
- Знаешь, что такое рай, Эмми?
- Теперь уже нет, – говорит Эмми.
- Рай – это такой момент, когда цветок полностью, полностью раскрывается.
- И чем тогда становится цветок? – спрашивает Эмми.
- Он становится полностью раскрывшимся цветком.

И Эмми последний раз в своей жизни открывает глаза. Возле ее кровати сидит психолог. Эмми смотрит на него, слегка прищурив глаза.

- Меня зовут Эрик Байрон, – представляется психолог.
- Привет, – улыбаясь говорит Эмми, – я без пяти минут раскрывшийся цветок.

КРИШТОФ. Сейчас Криштоф лежит на земле под мостом. На нем больше нет ботинок, нет куртки, нет свитера, а в карманах его брюк больше нет ни телефона, ни кошелька. Его земляки давно ушли, прихватив вещи Криштофа с собой.

- Теперь ты спокоен, Криштоф?
- Я почти спокоен, потому что моя жизнь, которая так сильно бежала вперед, теперь останавливается.
- Кажется, жизнь человека по имени Криштоф заканчивается.
- Да, кажется, что так.
- И теперь тебе нужно решить: либо родиться здесь и снова прожить какую-нибудь необъяснимую жизнь, или навсегда уйти вместе со мной? Тебе нужно решить, Криштоф.
- А что ждет меня там, куда ты меня зовешь?
- Наверное, то, что тебе нравится больше всего на свете. Что тебе нравится больше всего на свете, Криштоф?
- Больше всего мне нравится ебаная, ебаная бесконечность и медленно, медленно падающий снег.
- Там, куда я тебя зову, все это есть.
- В таком случае я, кажется, хочу уйти.
- Значит, ты выбираешь бесконечность и снег, Криштоф?
- Я выбираю абсолютный покой.
- А ты знаешь, что такое абсолютный покой, Криштоф?
- Наверное, это когда мое сердце будет полностью удовлетворено?
- А когда твое сердце будет полностью удовлетворено?
- Я думаю, что только тогда, когда его работа остановится.
- Ты готов остановить свое сердце, Криштоф?
- Кажется, что да.
- Тогда скажи своему сердцу «стоп», и мы с тобой уйдем.

И сразу после этих слов Криштоф на несколько секунд открывает глаза. Он лежит на спине, а над ним серый бетонный мост. Криштоф слышит, как на мост выезжает поезд берлинского метро, потому что мост и земля вокруг дрожат.

- Стоп, – произносит Криштоф, и поезд останавливается прямо на середине моста. – Стоп, – произносит Криштоф, и его сердце останавливается прямо на середине моста. – Стоп, – и его тридцать пять лет необъяснимых страданий заканчиваются. Медленный снег и ебаная бесконечность! И мост останавливается на середине моста. И мост останавливается на середине моста. И мост останавливается на середине моста.

Пауза.

МОНИКА. Сейчас Моника едет в больницу, где находится Чарли. Моника едет в метро. Она закрывает глаза, и внутри нее появляется дельфин.

- Привет, – говорит дельфин, – передаю тебе привет от Эмми. Ты знаешь Эмми?
- Нет, – отвечает Моника. – А кто это?
- Это хорошая девушка, с которой ты скоро будешь жить совсем в другой галактике.
- Разве я буду жить в другой галактике? – слегка улыбаясь, спрашивает Моника, ей ведь немного смешно оттого, что приходится разговаривать с дельфином.

- А разве ты не хотела бы оказаться там, где живые существа живут совсем, совсем другим способом?
- А что это за способ? – спрашивает Моника.
- Это способ абсолютного взаимопонимания, – отвечает дельфин и в следующую секунду превращается в цветной узор, и еще через мгновение становится черной птицей, достигшей серебряной Луны, и еще через миг все внутри Моника осыпается медленным, медленным снегом.
- Кажется, я понимаю, – шепчет Моника.

ЭММИ. «Кажется, я понимаю», – шепчет Эмми, и работа ее сердца останавливается.

- Эмми, Эмми, что с вами? – испуганно вскрикивает психолог Эрик Байрон.
- Привет, – произносит Эмми свое последнее слово и начинает уходить в синюю точку, прямо в центр своего остановившегося сердца.
- Эмми, Эмми, – доносится голос психолога из внешнего мира. И кто-то самый, самый большой во вселенной отпускает Эмми из своих теплых объятий. И кто-то самый, самый древний разжимает свои долгие невыносимые объятия этой странной, очень странной жизни, и открывается черная дыра в манящую охуительную бесконечность. Объятия раскрываются, и Эмми выскользывает из них всем своим хрупким существом, и падает туда, куда падают белые хлопья медленного снега. И Эмми превращается в снег. Медленно, медленно падает белыми хлопьями Эмми. Падает куда-то Эмми. Падает куда-то в рай. Падает куда-то в другую галактику, где теперь всегда... Где всегда, всегда заебись.

Пауза.

ЧАРЛИ. Сейчас проходит время. Несколько минут. Два часа. Три часа. Пять. Секунды и часы. Секунды и часы. Восемь часов. Девять часов. Сейчас Чарли открывает глаза, и у его кровати стоит Моника. Она приехала, чтобы забрать его с собой.

МОНИКА. Сейчас Моника и Чарли выходят из госпиталя, Моника держит Чарли за руку, помогая ему сесть в такси. Голова у Чарли по-прежнему забинтована, и на том месте, где нос, сейчас все еще повязка.

ЧАРЛИ. Сейчас Чарли с большим трудом забирается в машину, потому что у него болят сломанные ребра.

МОНИКА. Сейчас такси везет их в отель, который находится в западной части Берлина.

ЧАРЛИ. Сейчас Чарли и Моника сидят на кровати в своем номере и смотрят друг на друга.

МОНИКА. «Сейчас я хотела бы сказать тебе несколько важных слов, Чарли, ты готов?»

ЧАРЛИ. «Моника, я люблю тебя».

МОНИКА. «Сейчас это совсем не важно, дорогой мой, потому что это всего лишь какие-то слова о какой-то любви».

ЧАРЛИ. «О какой-то любви?»

МОНИКА. «О какой-то любви, которая, возможно, есть, а возможно, ее и нет».

ЧАРЛИ. «Мне кажется, что она есть, Моника».

МОНИКА. «А возможно, что ее и нет, Чарли».

ЧАРЛИ. «Но я что-то чувствую».

МОНИКА. «А возможно, что и нет».

ЧАРЛИ. «Возможно, что и нет?»

МОНИКА. «Возможно, что и нет».

ЧАРЛИ. «И что же мне с этим делать?»

МОНИКА. «Мы должны уходить отсюда, дорогой мой, потому что мы с тобой оказались не в самом подходящем месте для нашей любви».

ЧАРЛИ. «Ты имеешь в виду Берлин?»

МОНИКА. «Я имею в виду эту галактику, Чарли. Мне кажется, что эта галактика не самое подходящее место для нашей любви».

ЧАРЛИ. «И как же с этим быть?»

МОНИКА. «Нам нужно уходить в другую космическую систему, туда, где живые существа открыты для любви».

ЧАРЛИ. «Разве такая система существует?» – «Да», – раздается чей-то знакомый голос внутри Чарли. – «Да?» – переспрашивает Чарли у существа из другой галактики внутри себя. – «Да», – отвечает существо из другой галактики.

МОНИКА. И в эту самую секунду Моника достает из сумки симпатичную пластмассовую баночку.

ЧАРЛИ. «Где ты это взяла?» – иронично спрашивает Чарли.

МОНИКА. «Купила у медсестры, которая за тобой ухаживала».

ЧАРЛИ. «Разве немецкие медсестры на такое способны?»

МОНИКА. «Немецкие медсестры, как и все остальные люди на этой планете, способны на все, тем более когда действует сильный импульс».

ЧАРЛИ. На лице Чарли вопрос.

МОНИКА. «Три тысячи евро – это достаточно сильный импульс даже для немецкой медсестры».

ЧАРЛИ. На лице Чарли по-прежнему вопрос.

МОНИКА. «Ты все делаешь правильно», – говорит голос существа из другой галактики внутри Моника, и Моника высыпает все содержимое пластмассовой бутылки на кровать. «Одна кучка для тебя, а другая для меня, мой любимый». И Моника делит все таблетки на две одинаковые кучки.

ЧАРЛИ. «Ты действительно не шутишь, Моника?» – испытывая необычное волнение, спрашивает Чарли.

МОНИКА. «Мы с тобой женаты больше года, а я так и не знаю, ел ли ты когда-нибудь устриц, дорогой?»

ЧАРЛИ. «А при чем тут этот вопрос, Моника?»

МОНИКА. «На самом деле совершенно ни при чем. Просто я вдруг сейчас подумала, что мы с тобой знакомы почти два года, а я так и не знаю, ел ли ты когда-нибудь устриц? Как, впрочем, и многое другое о тебе», – и после этих слов Моника отправляет горсть таблеток себе в рот.

ЧАРЛИ. Сейчас на лице Чарли вопрос.

МОНИКА. Сейчас Моника жует таблетки и морщится от горького вкуса.

ЧАРЛИ. Сейчас Чарли собирает оставшуюся горсть таблеток себе в ладонь.

МОНИКА. Сейчас Моника идет к столу, на котором стоит бутылка с водой.

ЧАРЛИ. Сейчас Чарли рассматривает горсть таблеток у себя на ладони.

МОНИКА. Сейчас Моника пьет воду и все, что было у нее во рту, уходит к ней вовнутрь.

ЧАРЛИ. Сейчас у Чарли внутри звучит какая-то странная музыка. Несколько красивых нот повторяют одну и ту же мелодию.

МОНИКА. Сейчас Моника идет к кровати, ложится на спину и смотрит в потолок.

ЧАРЛИ. Сейчас Чарли слушает музыку внутри себя.

ЭММИ. Сейчас Эмми в раю, она превратилась в самый невероятный во вселенной цветок.

КРИШТОФ. Сейчас Криштоф пересекает границы своей галактики и оказывается в совершенно другой космической системе.

МОНИКА. «Чарли, иди ко мне», – шепчет Моника.

ЧАРЛИ. «Кажется, я могу», – немного волнуясь, произносит Чарли и отправляет горсть таблеток себе в рот.

ЭММИ. «Кажется, я могу обнять тебя».

КРИШТОФ. «Кажется, я могу позволить обнять себя».

МОНИКА. «Обними меня, Чарли».

ЧАРЛИ. «Кажется, теперь я могу».

ЭММИ. «Ты позволишь мне обнять тебя?»

КРИШТОФ. «Ты позволишь себе обнять себя?»

МОНИКА. «Ты позволишь себе обнять меня?»

ЧАРЛИ. «Я позволяю себе обнимать тебя».

КРИШТОФ. «Я позволяю тебе обнимать меня».

ЭММИ. «Я позволяю себе обнимать себя».

МОНИКА. «Я позволяю себе...»

ЧАРЛИ. «Я позволяю тебе...»

МОНИКА. «Ты обнимаешь меня...»

ЭММИ. «Я тебя...»

ЗАНАВЕС

Москва, Нью-Йорк, Вроцлав, Берлин, ноябрь 2014 г.